

Зинзивер № 2 (152) 2026

2026
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Валерий СКОБЛО. Ощущенье дистанции. Стихотворения	6
Виктория МАМОНОВА. Бюджетное кино. Стихотворения	14
Владимир ХОХЛЕВ. Все только начинается. Стихотворения	18

ПРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Сергей ПОПОВ. Роковая деталь. Стихотворения	23
Евгений МОРОЗОВ. Дикая дождь. Стихотворения	38
Алина ЕВЛЮХИНА. Время бабочек и детей. Стихотворения	46
Елена ТКАЧЕВСКАЯ. Маршрут, предначертанный свыше. Стихотворения	50

ПРОЗА

Юрий ПОЛЯКОВ. Альтистка Данилова. Фрагмент романа «Дедушка влюбился»	53
Евгений СТЕПАНОВ. Счастливчик. Рассказ	60
Светлана ЕРЕМЕЕВА. Письма из Ленинграда. Рассказ	61

ДРАМАТУРГИЯ

Инасса ИЛЬИНА. Каррабас — Кристиан: обратный отсчет	70
---	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений СТЕПАНОВ. Очевидные плюсы современной литературной эпохи	76
--	----

ШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. Писатель-праведник (к 135-летию памяти великого русского писателя Николая Лескова)	78
--	----

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Александр БАЛТИН. Рыцарь звука: к 90-летию Виктора Сосноры.....	83
---	----

ПАРА ПАРОДИЙ

Евгений МИНИН. Пародии.....	85
-----------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

Иосиф Рухович, «Поэты позроста не знают» (Александр БАЛТИН)	
Ольга Симоненко-Большагина, «Акк. Фьюжн» (Ольга ЕФИМОВА).....	87

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Мы продолжаем работать.
Оставайтесь с нами.

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1947 году в Ленинграде. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда-Петербурга. Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017), «Отплытие» (Торонто, 2022). Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1993). Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних десяти лет в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Дети Ра», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Новый свет», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Homo Legens», «Юность», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (YMCA-Press) и многих других. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А.А. Ахматовой (СПб, 2015), 4-е место читательского рейтинга Журнального Зала за 2019 г., лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020), лауреат журнала «Чайка» за 2021 г. (номинация «Поэзия», Вашингтон). Живет в Санкт-Петербурге.

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ОЩУЩЕНИЕ ДИСТАНЦИИ

КРОТ ИСТОРИИ

Вот... крот истории измучил мою душу.
Он роет медленно и верно твердь и сушу.

С блестящей шубкою... и ростом со слона.
Работа тайная не каждому видна.

Ходы он роет тщательно... годами.
То в Грузии мелькнет он, то в Судане.

То Риму древнему тайком готовит клизму,
То корни подгрызет феодализму.

Меркурий подчинен ему и Марс.
Его открыл и описал великий Маркс.

А чужь ли он, сюжет для простаков? —
Кто знает? Промелькнул — и был таков.

Его явление истинно иль ложно?
Я медленно шагаю... осторожно.

Мой шаг нетверд, в глазах моих туман.
Ходы для личностей... Ходы для целых стран.

Еще шажок... мгновенье и — провал...
Когда б я знал... когда бы только знал...

* * *

На мгновенье мелькнуло —
и за это полжизни отдам —
ощущенье дистанции,
о чем написал Мандельштам.

Я согласен заранее:
это такая иллюзия,
но, чем с истиной, право,
с ней буду уж лучше в союзе я.

А вокруг уже верно
помечена вся территория.
Это «жизни закон»
(по Пелевину) — с ним и не спорю я.

Потому что есть место
для твари дрожащей и тленной
в ограниченной нашей
и невероятной Вселенной.

* * *

Я говорю без всяческих прикрас,
Превозмогая стыд и осторожность,
Что даже лучшие стихи одаривают нас
Не смыслом жизни, но намеком на его возможность.

Я повторяю... пробую на слух:
Поймет ли он меня — читатель строгий?
Вот звук совсем заглох, в пустынной комнате потух,
Со мной останется сомнение мое в итоге.

Читатель ждет, и так печален он:
Без смысла и вода ему — отравка.
Он верит каждому, кто может срифмовать свой стон,
Без смысла этого и жизнь ему не в радость, право.

А я бы смог... Вот разве, что стихи...
Подобие надежды в нас рождая,
В картину мироздания вносят некие штрихи.
И что находят люди в них от Штатов до Китая?

* * *

Спрошу тебя очень мягко,
не касаясь сердечных струн:
Свобода зачем тебе слова,
если всю свою жизнь ты молчун?

Еще спрошу еле слышно,
уже на прощанье, вослед:
Зачем тебе право собраний,
если был ты и есть домосед?

И не скажу — подумаю,
не затрону твой мир мечты:
Зачем и свобода совести,
со Всевышним не споришь раз ты?

Тебя не хочу обидеть,
но ты, если можешь, ответь:
На что, о мой друг осторожный,
тебе право на подвиг...
и смерть?

* * *

Сколько раз говорили они,
И кидались богам своим в ноги:
Наступают последние дни!..
Не пришли эти дни — видят боги.

А особенно нравилось им
Приурочивать дни эти к датам
И, особенно, круглым. Храним
Этот опыт... так ставший богатым

За столетья и тысячи лет.
Тьма курьезов в злокозненной теме.
Почему несчастливый билет
Тянем мы в десятичной системе?

Т. е. тысячный год... и потом...
Что таит этот нолик такого?
Вот стою я с разинутым ртом:
Подвести невозможно итога.

С глаз долой этот зыбкий мираж!
Как бы ни было в мире непрочно,
Про последние дни — это блажь.
Не наступят они — это точно.

* * *

Ни лес, ни сад, ни сквер на землю не роняет
Зеленый свой убор — мне не собрать листву,
Опавшую с ветвей. И как мне быть, кто знает?
Обычно убирал давно все к Покрову.

Придется выгрести листочки из-под снега?
Какие грабли тут помогут? — вот вопрос.
На этом фоне мой чуть чокнутый коллега
Меня поздравил... С чем?!
Я просто в землю врос.

Лицейских годовщин таких не будет боле.
Природа... род людской все посошли с ума.
Цветочки собирать пойду в зеленом поле,
Офелии дарить...

Вся Дания — тюрьма!
Где для цветов сума?

* * *

Погружение во тьму... восхождение к свету —
Это, в общем и целом, зависит от нас.
Призывая все Высшие Силы к ответу,
Обвиненья какие ты для Всемогущих припас?

Равнодушно внимая тоске и печали —
Ни друзей нет у них среди нас, ни врагов —
Нам в ответ эти Высшие вечно молчали:
Как далек жалкий лепет
от слуха Бессмертных богов.

Наши жалобы вряд ли кому интересны —
Ни вверху, ни внизу. Даже демоны Тьмы
Не желают их слушать: во тьме всем известны
Эти сказки о том, как ужасно наказаны мы.

Поднимаясь и падая, силы теряя,
Обретаешь тропинку в свой тайный портал,
Где нет высших и низших, нет ада и рая —
Только свет... Вечный Свет.
Наконец-то которым ты стал.

* * *

В моем садоводстве свои интриги
За власть и за денежные потоки.
Здесь есть пара партий: тори и виги.
Это не Англия, но те же склоки.

Те, кто в правлении, те, кто еще не,
Поладить не могут о сроках... сборах.
Мой домик с участком на самом склоне...
Сливы и вишни, нет краше которых.

Они мне защитой от садоводов,
Чьих разговоров не слышу я даже.
Не знаю статистику их разводов,
И кто заподозрен в последней краже.

Это не хорошо, это не плохо.
Наш дом не крепость, и мы не улитки.
...А на границе участка Эпоха
Щупальца тянет к нашей калитке.

* * *

В нашей большой шестиместной палате
Пара больных, пара в неадеквате,
Пара от армии косит с успехом...
Шестеро время проводит со смехом.
Эта шестерка — статистики срез
Здесь под надзором Пресветлых Небес.

* * *

Чем глубже в лес
ты, дурень, влез,
Тем больше дров
и дальше кров...
и тем все хуже с интернетом.
Но даже на родных просторах
это вовсе не всегда,
А только осенью...
зимой, весной и летом.

* * *

В ночной бессоннице одиночества
Снует перед глазами людь.
На имя... даже имя-отчество...
Не отзывается отнюдь.

То призраки живых всех и умерших.
Им для чего-то нужен я.
О, сколько их, ополоумевших,
Пронзает толщу бытия.

Мне внятен разговор их извилистый,
Прозрачен я без всяких слов,
И разговор мой топкий, илистый
Доступен им без всяких слов.

Пошлостью всего происходящего...
Ах, было!.. было!.. Что за жуть!
На странной должности смотрящего
Надолго я не удержусь.

* * *

Родившимся в 1947-м

В этом году нам стукнет 79.
Никто из нас не стал, как белый лебедь.

79 — это вам не игрушки:
Мы все стали старички и старушки.

В голову не лезут умные науки.
Палочки в руках, и трясутся руки.

Видим недалече... не далее носа.
В компьютерах помним что-то из DOS'a.

Индексации ждем мы и ждем доплаты,
Нас пугают простые банкоматы.

Ходим медленно и шаркаем ногами.
Что ответим, когда спросят, что с вами? —

Что нам осталась только самая малость?
Это, мол, старость приключилась...
старость...

* * *

Я почти прочитал эту вечную Книгу Книг
И ощутил себя вдруг беззащитным и слабым.
Я оглянулся вокруг и осознал, что старик.
Мелькнул только миг единый по Его масштабам.

Я узнал про судьбу многих царств
и многих царей,

Они все пропали — засыпанные песками.
А некоторые, как тот же мятежный Корей,
В землю разверстую рухнули, их не искали.

Но ума не прибавилось, и не стал я мудрей,
И Господь отнюдь не сподобил меня на царство.
А в меха эти старые новые вина влей —
И глотка не глотнешь — вот оно древних коварство.

Так что можно сказать, что я стал теперь библеист.
Но Библия мне — вроде временного причала.
И не более я душою и разумом чист,
Чем листок, на котором можно писать сначала.

* * *

Щекочу... Царапаю... Жужжу...
Не подобен в небесах стрижу.
Все по мелочам... Не возношусь к высотам —
И помыслить не могу о том... Чего там!

Не оставляю никогда я вас в покое —
Крибле! Крабле! Бумс! — скажу... и все такое.
Да, волшебные слова, а вы — не дети,
Но не все же трын-трава для вас на свете?

Я пытаюсь достучаться до кого-то,
Чтобы обернулся, как подруга Лота,
Вряд ли в столп при том оборотясь...
Ощувив со мной стальную связь.

Поэт. Родилась в 1979 году в городе Владикавказе. В настоящее время живет и работает в Санкт-Петербурге. Место работы — СПбГУПТД. Виктория Мамонова — автор многих публикаций и книг. Член Союза писателей XXI века.

БЮДЖЕТНОЕ КИНО

* * *

И для тебя, мой ангел свеч, забвения нет.
Лови воздушный поцелуй —
и до скончания лет летит обет,
летит, искрится на тот белый острый свет,
зрачки глотают синецвет.

Так где-то смерти вопреки
тропические ливни гонят к бешеному морю
на мелководье брошенные корабли
с надеждой у руля;
а якоря, зарытые в песок,
катает в металлический комок
Бог-скарабей — ему видней.

Ну, в путь!
Живей-живей — поет и хвалится листва, —
для вас, ежей, все — не страда;
для вас страдания — первоцвет:
вдохнул, воскликнул и померк.
И этот лепет и беда
сбивают с курса поезда и ход планет.

Лети, мой ангел, трижды щит!
Вернешься, когда ветер пропищит
у остывающих висков,
когда сознание продолжит.
Лети, мой щит, в неожиданный миг
на зов огней, пернатый луч, бумажный змей.

БЮДЖЕТНОЕ КИНО

Сцена первая. Кадр первый.

А все так нераздельно начиналось:
сад облетевший, дом и водоем,
один цветок еще парил в цветении, но задышался
в душном сновидении
и восстанавливался
поутру.

Ты увядаешь постепенно, растворяясь
в каком-то розовом дыму.
А думал — сразу и небрежно —
на скаку?
Но в кружевах осенних птах и мух,
цедащих трепет твой и поедающих испуг,
есть постоянство и досуг.

И, боже мой, как он цеплялся за движение
невзрачных солнечных стрекоз,
как разрастался почерк вместо лепестков.
За возвеличенную чушь — все выпил и остыл —
не с-р-а-з-у —
в срок.

Сцена вторая. Кадр первый.

А все так начиналось нераздельно, но занавес упал:
сидел напротив уайльдовский обман
и кубик-рубик собирал.
...2 минуты на сборку —
средний расчет;
меньше минуты — и он мой взгляд засек.

Самодовольный, нахальный,
с подобранными уголками губ. Я не смеюсь,
я восхищаюсь — от силы несколько секунд.
Но в тот момент сорвавший цветок славы
розовый дельфин
пронесся по морским ухабам и скрылся с ним.

Ну, здравствуй, другое сознание,
что проецируешь на бледный отраженный мир?!

Сцена третья. Кадр первый.

А все начиналось настолько отдельно,
что теперь не свести к знаменателю —
не заменить;

все начиналось настолько бессвязно,
что потеряна паучья нить
Ариадны

в многоэтажных текстах,
ушедших в печать,
как в прах,

где Рі́рра passes через растраченный сад
жизни,
пока спят листья и тутовый шелкопряд:

где Рі́рра проходит,
и розовый крокус сияет в ее рукаве
через графику текстов, а не признаний во тьме,

где Рі́рра проходит,
и что-то поет всем вокруг и себе,
все время поет свои песни...

* * *

Выбирая между «или — или», я останавлиюсь на тире;
в нем — горизонта сдвиг и бесконечность линии,
убегающей от точечного ядра.

Выбирая между «или — или», я предпочту кавычки;
в них, кроме привычки, заключена условность,
отрешенная от догмы ребра.

Выбирая между «или — или», я обозначу пустоты;
в них — башкирские степи и пчелиные соты,
сотканые из солнечного янтаря.

И с очень большой вероятностью я
(как, впрочем, и другие) не смогу, да и не восприму
категоричности хлыста.

* * *

есть некоторая неразумная, но устойчивая закономерность помех
в квантовой запутанности,
когда валентность атома отражает нетипичный след связей
и сразу же его отсрочивает;
а на повторе — тот же фантазийный след;

тогда любой сюрреалист, устав от псевдодостоверности различий,
вытаскивает из погреба пюпитр,
настраивает свой тромбон или литавры, может быть, кларнет,
а саксофона в симфоническом оркестре нет,
и извлекает транзиент —

начальная конечность мимолетна, зато меняет плотность след;
и квантовый двойник на том конце
теряется в космическом яйце;
он что-то чертит на стекле — проклятие, напутствие, шараду, —
не разобрать, стекло мутнеет с первой фразы;

след тает, теплый звук дрожит.

Родился и живет в Санкт-Петербурге. Образование: Высшая школа режиссеров и сценаристов (при киностудии «Ленфильм»), Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии Художеств (архитектурный факультет), Северо-Западная Академия государственной службы (государственное и муниципальное управление). Действительный член, профессор Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина. Действительный член Международной славянской художественной Академии (Варна, Болгария). Член Союза писателей России и Союза журналистов Санкт-Петербурга. Главный редактор журнала «Невечерний свет» и Информационного портала ХОХЛЕВ.РУ. Лауреат многих премий в области литературы и искусства. Автор книг стихов, прозы и публицистики, большого числа публикаций в Российских и зарубежных СМИ.

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

ДЕТСТВО

Иду по улице, держу за руку маму,
со мною рядом папа... держит брата.
Сдвигаю набекрень свою панаму,
брат морщится на зарево заката.

Идем домой, с реки, под сенью лип,
жужжит оса, таращится собака...
Слух снова режет одинокий всхлип -
разбил коленку брат у буерака.

Кровь не течет, спасает подорожник...
Исходит мама длинным монологом.
Я мир воспринимаю, как художник...
и размышляю сам в себе о многом.

Зачем приходит день на смену ночи?
Где люди пребывают до рождений?
Когда опять поедem в город Сочи?
Нужны ли рифмы для стихотворений?

Что означает слово «управдом»?
Куда ведет дорога через поле?
Возможно ли весь день идти пешком?
Зачем висят горшки на частоколе?

Бежит пацан за бабочкой, смеясь...
мычит безрадостно уставшая корова.
Какая между всем в природе связь?
Зачем над дверью старая подкова?

Мы подошли... калитка заперта.
я вырываюсь... с криком открываю.
Мелькает хвост соседского кота...
я петуху по-дружески киваю.

2026

В ДОМЕ

Идут размеренно часы,
скрипят негромко половицы...
Приемник «давит на басы»,
под голос джазовой певицы.

В косых лучах витает пыль,
бликует медный самовар.
За окнами — автомобиль
не просигналит светом фар.

Трещат поленья за стеклом,
гудит в трубе печная тяга...
Кувшин с топленным молоком,
армейская пустая фляга,

подсвечник, выцветший комод,
под пледом старенький диван...
Любитель неги и свобод —
кот... тапки, летний сарафан.

Стол... на столе — букет цветов,
под ним — конфеты в плоской вазе,
сборник любительских стихов,
открытый на удачной фразе.

Картины, люстра, потолок...
распахнутая настежь дверь.
Торшер, уютный уголок —
в нем плюшевый, домашний зверь.

И аромат твоей косметики...
И фото наше... Осень в Питере.
Ты — в незатейливом беретике...
Я — в новом, белоснежном свитере.

2026

ЦАРСТВО

Я созерцаю внутреннее Царство...
Оно сильнее внешнего в сто раз.
Его богатое, искусное убранство
способно приковать внимание глаз.

Здесь нет намека на земную тяжесть,
здесь светом преисполнен каждый миг.
Сердечную тут ощущаешь радость,
без наставлений философских книг.

Какие здесь пейзажи! Интерьеры!
Какие образы художественной силы!
Здесь жизни правила, общения манеры
хранят для поколений старожилы.

Тут детский смех превыше разговоров,
любовь — в не иссякающем почете.
Тут не устраивают непристойных споров,
и не бросаются словами: Как живете?

Здесь знают Истину, без тягостных сомнений,
здесь верят в рыцарство и благородство.
Здесь абсолютные источники спасений
не допускают ложного господства.

Тут понимаешь все: зачем ты дышишь,
зачем родился и куда идти...
Тут жизни музыку торжественную слышишь,
способную от смерти отвести.

2026

* * *

Что сделать для тебя? Скажи...
Устроить фейерверк на бастионе?
Далекie рассеять миражи?
Установить флаг белый на балконе?

Купить три миллиона алых роз?
Раздвинуть облака на небосводе?
Решить назревший не вчера вопрос,
отдавшись чувств томительной свободе?

Сходить с тобой в кино, или в музей?
Украсить дом и приготовить ужин?
Созвать на пир проверенных друзей?
Найти браслет из радужных жемчужин?

Что сделать? Как тебя расшевелить?
Принудить сердце снова раскрываться?
Хочу с тобою жить, тебя любить,
и никогда в тебе не сомневаться.

Что сделать? Как нарушить твой покой?
Как подружить с весной, идущей к лету?
Как темный сплин развеять затяжной?
И обратить к немеркнущему свету?

Скажи, что сделать? Как к тебе прийти?
Что для тебя всего важнее в мире?
Невероятные я проложу пути,
всех обыграю в рыцарском турнире.

2026

ВСЕ ВПЕРЕДИ

Все впереди... снежинки за окном.
Морозный день нам обещают завтра.
Мы в теплом доме спрятались вдвоем,
от мира и людей... готовим завтрак.

Глядит яичница на белую метель —
глаза желтеют в белом обрамлении.
Нас кружит чувств горячих канитель,
захватывает светлое волнение...

Все только начинается... Любовь
лишь первыми ростками души греет.
Стучит в висках разбуженная кровь...
А сердце от восторга леденеет.

2026

* * *

Пречистый свет... и небеса поют,
и время словно бы остановилось...
Ласкает воздух солнечный уют,
и кажется, ничто не изменилось.

Все тот же парк, такие же скамейки,
вороны каркают и воробьи ершатся...
Гуляют под деревьями семейки,
и чайки над деревьями кружатся.

Снег уплотнился, гладкие дорожки —
растаял утренний, узорный иней.
Скользят по снегу девичьи сапожки,
вышагивает бабушка гусыней.

Кричат, на льду играя, пацаны...
коньки и клюшки, красные носы.
Младенцам снятся радужные сны,
влюбленные не смотрят на часы.

И я... такой задумчивый... иду
по снежному Таврическому саду.
Тебя, с глубокой верой, снова жду...
забыв про одиночества браваду.

2026

Поэт. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Дети Ра», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Волга», «Зинзивер», «Новая юность», «Футурум АРТ», «Литературная учеба», «Крещатик», «Подъем» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Победитель Международного поэтического конкурса «Перекресток» (Германия) журнала «Крещатик» (2007). Обладатель Специального приза Союза российских писателей Международной Волошинской премии за лучшую поэтическую книгу года (2010). Лауреат премии журнала «Дети Ра» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии литературной газеты «Поэтоград» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии газеты «Литературные известия» за лучшую поэтическую публикацию года (2014). Лауреат премии «Писатель XXI века». Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр), Союза российских писателей и Союза писателей XXI века. Живет в Воронеже.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

РОКОВАЯ ДЕТАЛЬ

* * *

Пойти в доставщики еды
и накормить пятью хлебами
тех, что радели за труды
и общим лаптем щи хлебали.

Насытить рыбами двумя
тех, что из яви выпадали,
и папиросами дымя,
присочиняли про медали.

Пусть все вокруг яснее дня,
пусть все внутри мутнее дыма,
радение через меня
везде и всем необходимо.

Сесть на задрипанный мопед,
пристроить в коробе пакеты —
и ничего на свете нет,
и ветром истины отпеты.

Но ждут явления моего,
где вежи высятся спесиво
и за прямое волшебство
не предусмотрено спасибо.

* * *

Страшно сказать и забавно смотреть,
как пререкаются слово и плоть.
Небокопченья последняя треть
всякую чушь подвигает молоть.

Хоть и не факт, что язык без костей —
всякому горлу положена кость —
сказано все — отдыхай да толстей,
но тишина пробирает насквозь.

И чтоб не выдалось раны сквозной,
крови несметной, дурацкой беды,
необходимо и в холод, и в зной
новый объем выдавать лабуды.

Это придуманной родины щит,
воспоминаний словарная клеть,
что при ударах курантов трещит,
но не дает до поры околеть.

Это любви загрудинная гать,
это слезы ядовитая ртуть,
что подвигает о завтра солгать,
чтоб на вчера полномочья вернуть.

А потому говори, говори,
рваная крона, осенняя сталь...
Голос горазд разгораться внутри —
это и есть роковая деталь.

Страшно молчать и смешно замечать,
как во вчера обживается речь,
неутомимо готовясь в печать
с тем, чтобы завтра в архиве полечь.

Тесного времени ярая ржа
жадно блажит на ветвях у межи...
Что за наделы отводит межа,
где не важны времена-падежи?

Что ж ни гу-гу? Отвечай, отвечай —
точно язык прикусила земля,
где по зазимкам пустую печаль
испепеляют ля-ля тополя —

небо копченое, печень вразнос,
языкознания жар и озноб...
Жидкая россыпь подержанных роз,
зимней отчизною брошенных в гроб.

* * *

Невероятно много снега
на Добролюбова к утру...
Коряжма, Каргополь, Онега
звучат как песня на пиру.

Сольвычегодск, Мезень, Урдома —
теснятся в песне имена.
Литинститутского дурдома
вино важнее, чем вина.

Да и когда все это было —
тайга, колючка, лагеря?..
И предложение очень мило,
но только делается зря.

Отчалить в северные дали,
чтоб души наши не рыдали,
к себе на родину зовет
неукротимый рифмоплет.

Но не цепляет перспектива
в края невыплаканных слез
с похмелья мылиться ретиво
и ностальгировать всерьез.

Ведь путешествовать без дела
по диким весям наобум,
где бабка в юности сидела,
не ляжет и на трезвый ум.

Вернее в пьянку точно в кокон
запрятать песенный надрыв,
где норовил Рубцов из окон
взлетать, про север позабыв.

Где воспаренье — часть печали,
которой щедро причащали
ушедшие из-за стола —
на небе важные дела.

Клубится дым по коридорам,
на кухнях парится бурда.
Поют собравшиеся хором
перед отбытьем в никуда.

Как бабка всеу завещала,
артикулируя навзрыд,
ненаказуемо начало,
но страшно пенье аонид —

куда безумней, чем бараки,
козлы, блатные, мужики...
Когда братаются до драки,
тревожить Клио не с руки.

Ведь руки заняты объятьем,
пока не вздумается братьям
сугробы выкупать в крови
любви к безумцу визави.

Приходит день в прикиде алом,
Марс оккупирует Парнас
и сокрушительным вокалом
обезоруживает враз.

Но ясен узникам созвучий
путеводитель по Руси:
как ни смущает пламень жгучий —
не верь, не бойся, не проси.

* * *

Седьмая ли на киселе
вода иль семьдесят седьмая —
в родном селе навеселе
он жег, комедии ломая.

Его не жаловали за
неукротимую натуру
и материли за глаза,
когда выделялся сдуру.

Такая дальняя родня,
что и лицо — уже пунктиром...
Он тосковал при свете дня —
считал, что звезды правят миром.

С ним было связываться в лом —
ведь навалиет и уроет,
и станет пусто за столом,
как будто рухнул астероид.

И астроному от сохи
ночные вычертились дали,
как будто прежние грехи
в гробу хранители видали.

Взяла дорога в никуда
железной хваткой, как ни странно,
чтоб он проникся навсегда
стряпней вагона-ресторана —

официанта костерил,
учил рачительству бармена,
но не корнал доходных крыл,
чтоб угощаться неизменно.

Он поступал как истый шеф,
и не ломались поварихи,
и было сладостно душе
лететь на музыку и крики.

И где кабацкое окно
в обсерваторию предела
земной слезы обращено,
он распрягался обалдело.

Какое дело звездной тьме
до набирающихся тварей,
когда юродствует в уме
самозабвенный планетарий?

И разве родственная связь
держала горные светила,
когда отечество, двоясь,
красавца в космос отпустило?

Он позабыл, что позабыт,
и растворился без остатка...
Когда от скорости знобит,
все на земле смешно и шатко —

И вместо родины и слез,
и поношенья, и привета —
лишь заклинание колес
и клин поношенного света.

* * *

«В Москву, — тарахтела, — конечно, в Москву, —
Давно это тема засела в мозгу,
и нет очевидней расклада.
Когда на холсте не хватает мазка,
Сама по себе возникает Москва
и все завершает как надо».

«Едва ли поможет, — отвечивал я, —
Ты станешь в столице сама не своя.
А впрочем, кати ради бога.
Как будто бы бегством закрасишь изъян —
кто был допотопной иллюзией пьян,
тех не пощадила дорога».

Художница вскользь надевала белье,
Но главное — не прекращала свое:
«Уеду, уеду, уеду...»
«Ей-богу, во вторник отчаливай, что ж —
как будто бы сам на себя не похож
я стану от этого в среду».

Четверг, понедельник и снова среда —
разъятия бесцеремонна вода,
но в ней половина успеха...
Железнодорожный размыв дождевой,
небесная дрожь по земной душевой
и бесперспективное эхо.

Я выглядел, надо сказать, молодцом
для бойкой торговли помятым лицом —
и это не худшая скверна —
а тающий абрис сумбурных картин
с течением, как оказалось, един,
ведь русло начертано верно.

И где-то мазки на Москве не срослись —
и следом вином разведенная слизь,
и мутная спесь разведенки.
Столичная штучка? Пожалуй, она —
на заднем дворе своего полотна
задумчиво курит в сторонке.

Но разве страшна перспектива двора,
покуда душа шебуршит на ура
и определяется мимо
поклонников и позолоченных рам
в какой-нибудь воображаемый храм,
чье расположение мнимо.

И кто присягнет, что не в сердце страны,
где кисти неправильно наклонены
и ждут воскресенья наклона,
и мысленной фрески немислимый ход —
одно лишь спасение от непогод
и родоначальное лоно.

* * *

Где ничего не означали
пустопорожние печали,
веселий зыбкие огни,
дразнили каверзные дали,
манили дальние медали,
как полагалось искони.

Где счастье в песенном помине
цвело на светлой половине
мироустройства для трудяг,
переливалась водка в горле,
по мавзолею старцы перли,
резвился выгоревший стяг.

Смешила странная подсветка —
та, что выхватывала метко
на память мелочь из трухи —
будь то винтилово по пьяне,
прикосновение на грани,
пожар неубранной руки.

За дружбой здравиц и приличий
язык угадывался птичий
и всепогодный разгуляй,
и по брусчатке очумело
братва вышагивать умела
под командирский рык и лай.

Сердечно песенка поется,
но ничего не остается
по истечение грешных нот —
какой случалась, той и стала
напостоянно из металла
любовь размером с небосвод.

И если в качестве приманки
легло минувшее под танки,
просело будущее в грязь —
не по сюжету сожаленье,
ведь хронология и тленье
друг друга любят — не таясь.

Металл ржавеет и слезится,
слетает ржавчина как птица,
дымится грязная вода.
И без поправки на погоду
идет слеза по небосводу
и не приходит никуда.

* * *

Множитель взглядов искоса, слов не в масть,
спорщик о том, что ранее с ним стряслось,
как угораздило напрочь не запропасть
небо коптившего с благообразием врозь,
как раскурить отсыревший к утру табак,
определить по запахам, где жилье,
палкой отбиться от своры лесных собак
и поселковое перехитрить жулье,

за полбутылки клевый сыскать ночлег,
местных простушек перешерстить набор,
присочинить, что есть тебе оберег —
яшма-усмешка с южноуральских гор,
где в шлакоблочных днях, кочевых ночах
накоротке со спиртом да чифирем
чуть было вовсе вскорости не зачах,
вдрызг обрубаясь разве что к четверем.
А миновав обмерку пред пущим сном,
верку ли, клавку холить до холодов,
видеть, как снег срывается, невесом,
воображать, что ты ко всему готов.
Может, лишь эта робкая полумгла,
заполонив некопанный огород,
что-то еще и впрямь обелить могла,
но не судьба от вышних прожить щедрот.

* * *

Нисколько не — что пел вразвалку,
ни грамма не — что пил в затыг
и не включался в перепалку
на запредельных скоростях.

Земля прикидывалась вешней,
и с нарастающим теплом
кормили женщины черешней
за нескончаемым столом.

Но ни слезы о самобранке,
о вкусе ягод-ягодиц
там, где братания и драки,
и вопли падающих ниц.

Где за последние объятья
у надвигающейся тьмы
полупридуманные братья
безумье жалуют взаимы.

Взаимодействие с тенями
развоплощению сродни —
мерцают в сумеречной яме
обворожительные дни.

И застывает на сетчатке
крутая линия груди.
И проступает в отпечатке,
что полыхало позади.

Горазд выкидывать коленца
огонь на всех семи ветрах —
но хорошо на хордах сердца
ни пух не держится, ни прах.

В осклизлых камерах кромешных
нет ни подзола, ни золы —
лишь колгота живых и грешных
да крови острые углы.

Любовь пуста как стеклотара,
вино пленительно как смерть —
ее сквозного перегара
завесу сроду не стереть.

Но из обрывочного пенья
и прободного питания
опровержение успенья
в десятку бьет через края.

* * *

Тут без перрона даже —
сразу февральский лед...
С бабушкой, при поклаже —
поняли, что умрет.

Хмурой родни посланцы
выдвинулись к тому,
кто уходил на танцы,
а угодил в тюрьму.

И с пацаном старуха —
вот он и весь эскорт
праха его и пуха,
камер его и хорд —

страшной сердечной мути,
что в никуда свела...
Черт при любой минуте
лез не в свои дела —

то не потушит спичку,
брошенную в сердцах,
то упечет в больничку
вспомнить о праотцах.

Стылые перегоны,
лютые кабаки,
что постояльцу зоны
праздничны и легки.

Он и работал вкратце,
где на колесах бар
и по пути паяцы
клеют веселых шмар.

В жилу ж.д. жестянка —
звезды в ночном окне,
и ни черта не жалко
брать по любой цене...

Но в тигулях державы —
выше любви бери —
ждали, черны и ржавы,
присные фонари,

где о звезде успенья
сбацать по-новой рад
в стиле блатного пенья
старческий интернат,

чтоб не стеснялись гости
шалой подпеть беде —
ветренно на погосте,
весело как нигде,

ведь за беспутство щедро
вычерчен Млечный путь —
небо транжирит недра,
чтобы перечеркнуть

злые пути-дороги,
игры с крутым огнем,
бредни о добром боге,
колокола по нем,

беглый простор свободы,
зимний предел родства,
все поезда и годы,
музыку и слова.

* * *

Подруги вдали различимы едва —
параметры страсти смешны.
И там, где вчера бушевали слова,
сегодня разгул тишины.

Загульный период вселенской тоски
решительно был бы хорош,
когда не давила бы кровь на виски
и ставилось счастье ни в грош.

И ложь во спасение, где не спасти
от календаря ничего,
у памяти в необъяснимой чести
и входит в ее вещество.

Я не комментирую частности сна,
который и снился едва ль,
когда норовит чумовая весна
сместиться почти на январь.

И пафос, не свойственный ранней зиме,
цветет вопреки и назло.
Роскошные тени гуляют во тьме,
но зренье уже отцвело.

И если купаются блики в любви
ко внекалендарным делам,
что может ответить их визави,
сквозь нынешний глядя бедлам?

«Я не различаю, и впредь не хочу —
всю оптику видел в гробу —
единственно так дураку по плечу
свою одурачить судьбу.

Я не существую во всех временах —
единственный выдан расклад,
где пух неизвестности легче, чем прах,
но кто этой легкости рад?»

* * *

Из леса звонков-эсэмэсок,
что стал непроглядным уже,
ныряешь в осенний подлесок
на позднем своем вираже.

Там все обезврежены звуки,
вне доступа прежние сны
и нет перспектив у науки
со связью дружить до весны.

К морозам провайдер наглее
цыганит оплату вперед
и всласть на манер Бармалея
о собственной крутости врет.

Конечно, за все расплатиться
заставит синдром должника,
но радости редкая птица
не выпорхнет наверняка.

Ну разве что, если прорвется
к неопровержимой душе
безумие первопроходца
на крайней заимке уже,

где нет оператору эха —
ответного смеха и слез,
и вся рецептура успеха
в том, чтобы не плакать всерьез,

а курсом своих синусоид
во внесетевом вдалеке,
где прошлому верить не стоит,
вслепую идти налегке.

* * *

Когда из воздуха, из облака и сна,
из дыма едкого и пара кровавого,
под лягз и лепет оформляется весна,
Психея каверзу подсовывает снова.

И вопреки эфирной смуте и возне,
и лепестковым провокациям погоды
приходит выбывшая барышня во сне,
киношным гримом заштриховывая годы.

Морфей сулит очередные барыши —
шипы обиды в целлофановой обертке,
и розы мира, что пылыли от души,
пока тюльпаны не проклюнулись в Нью-Йорке.

Чреват соцветиями каждый континент —
пусть и тычинки все до пестиков похожи,
а вся ботаника — разверстка кинолент,
где Хронос холодом проходится по коже

и океан — всего лишь ваза для цветов
добра и зла, перевернувшего былое,
где вечный Дафнис до удара не готов
простить безумье образумившейся Хлое,

где за филфаковский набор мифологем
синематографу античного разлива
не нужно было отвечать ни перед кем,
а только паузы выдерживать красиво.

Но это шутка, что спасают красота
и флора с тесной географией впридачу...
Актёрка реплику проносит мимо рта,
и я с размаху о невысказанном плачу.

* * *

Он перегружен жизнью свежей,
случайной музыкой в ночи
по-над огнями побережий,
где сны легки и горячи.

Толпой заполнен отпускною,
слабomotorный катерок
неимоверною ценою
морской доматывает срок.

Экскурсионное корыто —
перекореженный металл —
окрестной моросью покрыто,
и холод люки пропитал.

Но мчит суденышко к причалам,
валяет чахлую волну.
И дело, в сущности, за малым —
не уходить на глубину,

а бестолковиться над чащей
подводных жизней в никуда,
не оставляя тьмы звучащей,
когда все прочее — вода.

Поэт. Родился в Нижнекамске. Закончил филологический факультет Елабужского государственного педагогического института. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Стороны света», «Артикль», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Формаслов», газетах «Поэтоград», «Литературные известия», порталах «Прочтение», «Сетевая словесность», Textura. Финалист поэтических конкурсов (проект «Вечерние стихи», «Хижицы», «Лебеди над Челнами»), лауреат журнальной и газетных премий (журнал «Дети Ра», газеты «Поэтоград», «Литературная Россия»). Автор четырех книг стихов. Член Союза писателей XXI века. Член Союза российских писателей.

ДИКИЙ ДОЖДЬ

* * *

За рублей полтора, триста
лучше музыки не найти,
чем поющая у таксиста
из колонок, пока в пути...

О любви ли в ней будет чисто
или новости с грудой дел —
бодро едет таксист со свистом,
обаятельный грубый чел.

С раздражением что-то буркнет,
промолчит, как с водой во рту:
за стеклом — все в огнях, как будто
Новый год наступил в аду.

По вечернему, по ночному,
под рекламу, под гул — не суть...
Но по городу и до дому,
но хоть просто куда-нибудь...

Я ценю сам момент поездки,
я в поездке принадлежу
не тоске, наступающей резко, —
закононому миру...

Я подвешен меж тем, что прошлым
стало вдруг по моей вине,
и грядущим — плохим, хорошим,
я рассеянный взгляд в окне.

Столько странного, современник,
как в туманную даль ни лезь,
в настоящем, в попытках денег,
в том, что едешь — куда-то, весь.

По судьбе, при любой кручине,
в бездне опыта своего —
эта песня в чужой машине,
где надежда слышней всего.

* * *

В промозглое небо над скопищем улиц
ни сырость, ни грусть не копи;
весна улыбнулась — по-зимнему хмурясь,
осеннюю обувь купи.

К противнику слякоти всей, Мойдодыру,
в обновке, не мокрый почти,
пройди в освещенную чисто квартиру,
привыкни, Шекспира прочти.

Не прежде ли с Гамлетом мы постигали:
у принца без трона и войск
был вывихнут век. А теперь, стоя в зале,
ты чувствуешь: вывихнут мозг.

В углу телевизор внушает со злобой,
за евроокном дикий дождь,
в пути Одиссей или дома, чего бы
сказал бы на это, как вождь...

Под обувью новою старая лужа,
и копится пыль втихаря,
еще одна цифра — ни лучше, ни хуже —
проворного календаря.

По Фаусту, чей романтический идол
исследовал вглубь все и ввысь,
ты чувствуешь нечто, как будто бы выдал:
«Мгновение, остановись».

Жизнь просто застыла, как лица на фото,
и с полок, где глянца торцы,
Корнеи, Шекспиры, Гомеры и Гёте —
торчащие в небо столбцы.

* * *

Как утешит теплынь с благодатью,
что за музыка сразу слышна:
детский мат, ветерок без понятия,
грязный смысл за кристаллом окна...

В чуваков, простаков вороватых
поиграй, в деловитых хорьков;
вместо вороха из снегопадов
будет просто рассвет, весь гранатов,
в подоженной дали. Он таков.

Вместо хмари о синий с зеленым
глаз отвыкший вконец расшибя,
невлюбленный — а будто влюбленным —
оглядится, забудет себя...

Как хорош ему свет, эти звуки
сотворенья, хоть стал он и скуп,
и теперь не сожмет чьи-то руки,
со словами — разомкнутых губ...

Говори ему что-то, природа
тратить время, кого-то любить,
пусть по ходу теплыни в погоду
все, что может он, — просто забыть...

Научался он с мукой и ленью
забыванию — сколько — бог весть —
но смятенье внутри, но цветенье —
что с ним делать, зачем оно есть...

* * *

Хорошо, что жизнью длинной,
сколько душу ни травы,
истребительной змеиной
я не чувствую любви.

В тесноте многофамильной
имя слабое яви
и забудь: одной и сильной —
плохо — нет совсем любви.

Медь, звенящая о счастье
и уме, не знаю я
(перепутаю со страстью)
что — любовь, печаль твоя?

Может, кадр из фотохроник,
где красиво, как в кино,
это — мать, отец, ребенок,
люди, слитые в одно...

Может, чувство, как ты выйдешь
по природе на закат
и остатки солнца видишь,
день убив и ночи рад...

Может, то, как днем ли ночью
болен ты и хочешь весь
чьи-то губы, тело, точно
в нем твое лекарство есть.

Или ровно заводное,
но родное как-никак
удивленье: что со мною,
почему спокойно так?

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

О, производственник видов воочию,
чья, покажи мне, дневная вина,
если напрасно я, телом ворочая,
занят в ночи добыванием сна.

Может, порой вы и сами заметили:
в пододеяльный безлунный приют,
если не спится, о разном, о смерти ли,
о пережитом, о будущем — прут...

Вы, тараканы упущенной выгоды,
скрытые днем, а по темной поре
понабежавшие в поисках выхода
или названья в моем словаре.

Образ обретшие призраки белые,
все нерешенное ныне/давно,
все сожаленья о том, что не сделано-
сделано правильно-ошиблено...

Чтобы забыться, кручусь безуспешно я,
пусть и не сна, но волна за волной —
звездное дальнее, лунное прежнее —
я добываю в породе ночной...

* * *

Увидал я раз и обмер:
на паркованном авто —
три четверки... Что за номер?
Три четверки. Это что?

Не люблю я, если числа
без конца идут на ум,
мало знача, кроме смысла
толкованья наобум.

Из-за счета, за которым
попадаешь в кабалу,
будь ты трижды пифагором,
не давай себя числу.

Под звонки и суеверья
в крепкой памяти людской
сам порой, числу не верь я,
как не чувствую покой.

Тороплив и одинаков
год, другой, день ото дня —
я ищу намеков, знаков,
отличающих меня.

Числа, что вы натворили,
намекнув средь дел и зол —
это к счастью, братец, или
берегись, товарищ, мол...

Но приятней правды горькой,
утешительней вранья
три четверки, три четверки,
три ключа, три острия.

* * *

Световому дню,
существу, предмету
говори «люблю»
и не знай, что это.

Я — траве ли пню,
человеку, краю —
говорю «люблю»,
говорю — не знаю.

Как такое «лю»
или «блю» в итоге
я в одно скреплю —
эти буквы, слоги...

Это все лишь звук
непонятной сути —
говорят вокруг
эти вещи люди.

Человеку здесь
самый свет непрочен
без того, кто весь
станет нужен очень.

Человека впредь
без кого-то — нету,
хоть и мог он ведь
оставаться где-то,

пустовать в толпе,
улыбаться черство,
просто жить себе,
ненавидеть просто.

Но ему чума —
как по документу,
жить, когда с ума
побежит за кем-то.

Будто кораблю,
что не двигал сроду,
этим вот «люблю»
он надует ходу.

Глубиной чутя
счастлив он до края...
Хорошо, что я
ничего не знаю.

Так про суть вещей
знать ли нужно людям...
Может, мы вообще
потому и любим.

* * *

Вида фильм ужасов —
ужас в том, что не страшно.

Во время комедии:
комедия — что не смешно.

Читая терпеливую лирику —
выдавить бы полчувства.

Совершая добро —
не оскалиться с выражением...

Свежий исполнитель,
черствый к сильным моментам,
как так вышло,
что ты теперь счастливый...

Счастье — это
если все фиолетово
на картинном фоне
производимых событий...

Брат-читатель или душа-сестра,
став над телом, погибшим для лучших чувств,
не посчитай, что его холостая гниль
не наполнялась прошлым и не цвела...

Мял ли он губы — чмоками, мягким «эл»,
наэлектризованный, творил популярную дичь,
успевал на экране, задумывался напоказ,
верил в песенку, менялся по образцу.

Рано ли поздно, останешься лишь собой —
взыщешь покоя в небе или внутри,
тихую пристань, ждущую кораблей,
с огороженным сердцем, запертым на замок.

Жизнь есть миссия или звериный акт,
внушаемый в голову... Хоть голова сама
в толк не возьмет: время или судьба,
метко унизив, сточит до ничего...

Липкий лист, набухший, любую весну
стылой осенью сменит на ветхий цвет,
на сухое шуршанье, на порванное белье,
снятое с ветки дунувшим ветерком.

Я вижу тебя — слышу остатки крови,
мною утраченной, жалея, что трудно вновь
напирать на добро, бояться экранных ужасов,
умиляться стихам, смеяться, когда смешно.

Слово мое вернулось в обратный мир
жесткой природы, дыр и детских потерь,
невыразимых вод и глазастых рыб —
в ровную тишь, подсказанную тебе.

Поэт. Родилась в Тамбове. Окончила ТГУ им. Г. Р. Державина (институт филологии). Жила в Казани и Санкт-Петербурге. С 2018 года проживает в Анапе. Член «Академии Зауми» (Тамбов), ЛИТО «Авангард» (г-к Анапа). Публиковалась журналах «Сибирские огни», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Краснодар литературный», «Литературные знакомства», газете «Поэтоград», альманахах «Образ» и «Крылья» и др. Лауреат международного конкурса имени Уолта Уитмена (2025), лауреат Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (2024), лауреат Всероссийского конкурса «Поэзия Красного города» (2023), финалист специальной премии «Велимир Хлебников» (Сицилия, Каникатти, 2023), финалист 6 международной поэтической премии «Фонарь 2024», лонг-листер премии им. Левитова (2024). Член Союза писателей XXI века. Автор книги «Маленькие боги». В 2025 году за книгу «Маленькие боги» получила серебряный диплом международного конкурса «Ее величество книга» в Стамбуле (лучшие поэтические сборники за 2024 год).

ВРЕМЯ БАБОЧЕК И ДЕТЕЙ

ТИХОЕ

Тихо струится нежность прямо из потолка,
В мирной ладони Бога дремлет ее рука...
Котель Маарави, это — парча и лен,
Лей благодатный пламень, кроток и окрылен.

Смейся навстречу счастью, сердце смелей раскрой.
Битва Златого Рога с бренностью городской.
Скрип монастырских ставен, ветер из-за угла,
Шепчет родное имя трепетная княжна.

Врозь на полгода, на год? Так и не поняла,
Жить без него устала бережная княжна...
Тихо на Истикляле, дремлет Палас Пера...
Это стена меж нами из ледяного льна!..

* * *

я бабочка бессмертная твоя
легка скольжу по кромке бытия
броня моя из мела и огня
брожу большим белесым мотыльком
лети в меня течением влеком
по руслам разнородных рваных рек
рукоположена и введена во грех

* * *

многомерное Я
так много меня
в зеленой твоей кроне
кипарис
купол пирамидальный
проснись
мы вместе утонем
в зеленом шуме утонем
почувствуем
запах забытого солнца
колец обручальных
поседевшей травы
обгоревшего леса
глаза закрой
пой со мной
и пространство заполни

* * *

положи меня на ладонь
я едва помещаюсь в ней
сверху среди камней
медом меня залей
маленький чародей
я такая
терпкая золотая
текучая очень большая
не зевай
кверху меня бросай
обернусь
таволгой иволгой
травой иссоп
погадай на мне
в тишине между строк
превращусь
в шар золотой
и вернусь за тобой

* * *

время бабочек и детей
нынче погодка летная
приготовь пару крылышек и вперед
твой готов звездолет
разворачивай прямо к солнцу
темечко сердце веснушки
все что нужно уже внутри
раз два три

* * *

когда я покину тебя
не рассыплется твердь на куски
реки не выйдут из берегов
не узнаешь зачем и для чего
паутинки нежности на твоём лице
перестанут виться серебряной нитью
фатум божьи коровки
устанут щекотать подбородок
с каждой щетинкой поочередно вальсируя
на закате
если ты все же осмелишься
прошептать им первые буквы
моего имени тсс tranquillo tranquillo
может все же дадут нам шанс
в игрушечной вселенной
где ты так боишься сказать три слова
а я жадно живу
слушая
аромат твоего дыхания

* * *

просыпаюсь каждую ночь
маятник бьет в подреберье дзынь
по ком ты звонишь на ком на кол
лекции этих дзынь растим новое Я
для чего оно естество если снова
дзынь сирена сиречь а хотелось
вдыхать аромат сирени лаванды

сиреневые юбки сиреневые перчатки
на мне ежечасно печать этих дзынь
да покинет она навеки мой кокон
дзы-ынь в лиловую синь
мимо окон

* * *

это было в марте или в апреле
мы ходили бродили кутили пели
как потасканные менестрели
зенки в зенки друг другу осточертели
я стою под прицелом и вся дрожу

слезы серой смолы на пепелище
боевых кораблей затонули днища
в подворотнях октябрьский ветер рыщет
я ищу того кто с меня не взыщет
но покамест не нахожу

* * *

никаких итогов
никаких целей
никаких препятствий
кожура семени
года нового
земля не вспахана
полное обнуление
пишу без кавычек
распаковываю залежи
обветшалой мансарды
рыжие пули
стертые мундштуки
воскуряю благовония
дым отечества

Поэт. Член СП XXI века, кандидат химических наук, доцент, участник ЛИТО Центрального Дома ученых РАН, член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка», Содружества Современных Литераторов, автор нескольких книг стихов, публикаций в литературных газетах, журналах и альманахах.

МАРШРУТ, ПРЕДНАЧЕРТАННЫЙ СВЫШЕ

* * *

замереть средь притихших деревьев в запорошенном зимнем лесу
и растаявшую снежинку на щеке ощутить как слезу
ни о чем размышлений не строя и оставив в покое слова
без лирического героя без придуманного божества
выбрать тихое существование чистый снег синеву небес
и неспешное самопознание со стихами а лучше без

* * *

Согласно закону всемирного тяготения
и теоремам нелинейной геометрии
сила притяжения
прямо пропорциональна
вероятности пересечения
или хотя бы касания
если уж не столкновения
но есть отклонения
при стремлении притяжения
к бесконечно большим величинам
вероятность пересечения
бесконечно мала
Такие вот дела...

* * *

Этот поток очумелых мыслей без сублимаций в слова
просто сметает, кружится голова
или совсем улетает на Млечный путь.
Душу поставить на паузу не забудь
и прислушайся молча к внутренней тишине —
вот и счастливый снег выпадает во мне.

* * *

Одинокая нота торопливого взгляда зазвучит — то ли до, то ли соль, —
как неожиданный выигрыш, желанный когда-то, перетекающий в боль.

Потому что сквозит, выдуваются смыслы звучных слов.
И количество пауз растет,
и маршрут, предначертанный свыше, и маячит, и ждет...

* * *

Все незнаемое — в облаках...
Искушение? Нет возвышение
к дальним далям, к высоким высотам.
Райский привкус и контур нечеток
облаков под ногами.
Как обманчиво непостоянна нежность белая,
пышная форма и слепая податливость ветру...

* * *

предсказуемо все
удлиняются к вечеру тени
удлиняется время
оно растяжимо
если броситься на свою тень
она исчезает
никаких не будет изменений
но это всего лишь борьба с тенью
а надо ли с ней бороться
или вполне хватает
постоянной борьбы с собой

* * *

Вот сосны, чтобы строить дом:
надежный сруб с окном и дверью.
И крышею закрыть потом,
к дождям питая недоверье

Смолистый запах в доме том
витает, свет от стен струится.
И гости за большим столом —
добры, теплы слова и лица

Жизнь длиться, порождая жизнь.
Рост завершен деревьев этих,
но нету повода тужить —
посажен сад, играют дети.

* * *

Запоминают отраженья зеркала...
И чем старей они, тем память необъятней,
все помнят: лица, контуры, слова.
Присмотришься — становится понятней
узор из трещинок у рамы в уголках,
скрепляется сюжет,
изображение проступает, скрытое в веках
пространство ширится, и нет
границ
той отраженной
памяти
о прошлом.

Юрий Поляков — известный русский писатель. Родился в 1954 г. в Москве. Окончил литфак Московского областного пединститута имени Н.К. Крупской. Кандидат филологических наук (1981). Как поэт дебютировал в 1974 г. в «Московском комсомольце». Первая книга «Время прибытия. Стихи» вышла в 1980 г. в издательстве «Молодая гвардия». В 1981-м принят в Союз писателей СССР. В 1985-м с выходом повести «ЧП районного масштаба» в журнале «Юность» получает широкую известность как прозаик. Почти все его новые повести и романы становились бестселлерами: «Сто дней до приказа» (1980–87), «Работа над ошибками» (1986), «Апофегей» (1989), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (1991), «Демгородок» (1993), «Козленок в молоке» (1995), «Небо падших» (1998), «Замыслил я побег...» (1999), «Грибной царь» (2004), «Гипсовый трубач» (2008–2012), «Любовь в эпоху перемен» (2015), «Веселая жизнь» (2019), «Совдетство» (2021–2025). Юрий Поляков известен также как драматург, чьи пьесы широко идут в театрах России и за рубежом. По его произведениям снято 11 фильмов. Савтор сценария фильма «Ворошиловский стрелок» Станислава Говорухина. С 2001 по 2017 год возглавлял «Литературную газету». Выпустил ряд книг публицистики: «От империи лжи — к республике вранья», «Государственная недостаточность», «Россия в откате», «Лезгинка на лобном месте», «Перелетная элита», «Раздрапируйте Мавзолей» и др. Лауреат многих премий. Среди них: Ленинского комсомола (1986), Государственная премия РФ (2024), «Слово» (2025, 2026).

АЛЬТИСТКА ДАНИЛОВА

(Фрагмент нового романа Юрия Полякова «Дедушка влюбился»)

ПРОЗА

Вернувшись в «оранжерею», я почувствовал себя несчастным. Во-первых, меня, считай, уже уволила мстительная Манана, и я не ведущий «Арт-канала», а безработный полупенс. Во-вторых, надежда, перехватить денег у щедрого Дона, растаяла, как снег на опушке. В-третьих, мне было до слез жаль Славу, потерявшую своего деликатного кормильца, но либидо, разбуженное «Елды-батыром» и взволнованное водкой «Русская идея» тройной очистки, било крылами, желая куда-то лететь. Невольник порыва, я стал, как в ненасытной молодости, просматривать список абонентов и, дойдя до буквы «Д», нажал кнопку — «позвонить». В ответ пошли длинные гудки, никто не брал трубку.

«Да что они все сегодня сговорились, что ли?» — я рассердился до слез.

Так бывало только в пору прыщавого отрочества, когда мне, акселерату, женщины были недоступны, как зимняя клубника советским потребителям, а журнал «Здоровье» меж тем сурово предостерегал подростков от рукоблудия, ведущего к истощению нервной системы, омрачению семенного будущего, а в случае упорного самоудовлетворения — к сухотке спинного мозга!

...Когда Слава носила под сердцем (красивое выражение!) позднего своего ребенка, она, конечно, в Москву не приезжала: счастье прикладывать ухо к чреву, «сосуду нерукотворному, в который небо снизошло»

(Брюсов), по праву принадлежит мужу. Потом она рожала и вскармливала, надолго выпав из наших отношений, я изредка позванивал, делясь опытом давнего отцовства и свежего дедовства, выслушивая в ответ счастливый лепет материнства. Слава советовалась со мной, как назвать дочь, и я из мужской солидарности поддержал Гену, хотевшего Дарью — Дашу. Все шло к самому достойному варианту завершения отношений — претворению вина плотской связи в чистую воду межполовой дружбы. Я снова заинтересовался Инь, думая провести остаток жизни в убаюкивающей моногамии, но случилось непредвиденное.

Раз-два в неделю к нам, в Акустический зал, приезжали симфонические оркестры. Там был даже небольшой орган, его купили в Германии во времена, когда у Дона водились большие связи на Старой площади, а деньги за рекламу носили сумками. В дни записи дом под Овном наполнялся коренастыми духовиками во фраках и мускулистыми скрипачками в переливчатых концертных платьях. В перерывах они, в основном женщины, высыпали перекурить во внутренний садик, оккупировали столовую под сводами, ели жадно и помногу. Видимо, симфоническая музыка истощает.

Открою один секрет: мне всегда хотелось, не знаю почему, пощупать бицепс у скрипачки, я просто изнывал от этого странного, но не предосудительного желания, ведь не ягодичу же я хотел ущипнуть или грудь! Однако не складывалось. И вот однажды у нас записывался оркестр «Брависсимо» под управлением знаменитого дирижера Кармадонова, лохмача-виртуоза с безумными глазами пациента, сбежавшего из психушки. Он гастролировал, мотался по свету, к тому же руководил еще парой коллективов за рубежом — в Мексике и Бельгии. К нам маэстро обычно прилетал издалека, его всегда ждали, волнуясь, с опаской, проверяя, не опаздывает ли самолет. Я вообще удивляюсь, как это он до сих пор не откинул лаковые копыта во время очередного трансатлантического броска. Нагрузки-то немалые! Своих многочисленных оркестрантов по именам он, конечно, не помнил, поэтому на репетициях им справа на груди прикалывали бейджики с крупно написанными фамилиями, которые можно разглядеть, стоя у пюпитра.

И вот однажды, отэфилив, я направлялся к выходу, как вдруг заметил в кресле скрипачку, альтистку, если судить по размеру стильного футляра. Она листала журнал «Новый мир», что по нынешним временам такая же редкость, как в советские годы чтение в людном месте «Пари матч», «Морнинг стар» или даже «Посева». На бейджике я прочитал: «Анна Данилова». Лет тридцати, недурна собой: темная шатенка с легким пушком над верхней губой, в модных очках, а на приятном лице выражение усталой неприступности.

Ну, и что тут особенного? — спросите. Ничего, если вы не читали роман «Альтист Данилов» про демона на договоре, служившего в оркестре Большого театра. Эта вещь, опубликованная в «Новом мире» в начале восьмидесятых, ошеломила нас своей смелой, но узнаваемой фантазмагорией, имевшей к советскому канону такое же отношение, как барс к барсуку (Леонид Мартынов). Сейчас послушаешь какого-нибудь желторотого путаника, вещающего в подкасте, мол, при совке ничего, кроме соцреализма, не было. Чепуха! Все там было и гораздо интереснее, ярче, талантливее, чем сейчас. Говорю вам как свидетель и соучастник той великой эпохи.

Я так и замер, глядя на даму с «Новым миром». Она некоторое время делала вид, будто не замечает меня, не отрывала глаз от страниц, но хмурилась и подергивала полуголым плечом от смущения. Наконец альтистка резко опустила журнал, сурово глянула на меня серыми, почти стальными глазами и спросила:

- В чем дело? Почему вы на меня так смотрите?
- Любуюсь, как вы читаете! Интересно, что?
- Это так важно?

— Конечно! Скажи, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты, — улыбнулся я, вспоминая этот забытый ныне советский способ знакомиться с девушками в транспорте, где все ехали, уткнувшись в книги, журналы, газеты.

— Какую-то чепуху про девочку, которая обожает ушедшего из семьи отца, ненавидит мать и нарочно каждую ночь мочится в постели, хотя недержанием не страдает, мамаша в отместку водит домой случайных любовников, а потом рыдает от отвращения к себе...

— Литература травмы. Мужайтесь! «Новый мир» окончательно испортился. Печатают черт знает что.

— Это точно. Но почему?

— Все зависит от главного редактора.

— Похоже. А почему вы все-таки на меня так смотрите?

— Пытаюсь понять...

— Что именно?

— Как ваше отчество. Меня, кстати, зовут Всеволод Иванович, я местный, работаю здесь.

— Кем же? — заинтересовалась она и положила журнал на колени.

— Инспектором пожарной безопасности.

— А-а-а... Очень приятно...

— Простите, Анна...

— Можно без отчества.

— А все-таки? Мы едва знакомы...

— Леонидовна.

— Ах, как жаль!

— Почему?

— Я до последнего момента надеялся, что вы дочь альтиста Данилова.

— Вы читали этот роман? — порозовела она.

— Конечно, вся страна читала, даже в нашей пожарной части очередь была. Журнал выдавали на сутки.

— Мой дядя тоже служил в Большом театре, правда, играл на гобое. У них это была культовая книга. А вы когда-нибудь видели автора?

— Володьку-то?

— Да, Владимира Орлова! — она глянула на меня исподлобья.

— Конечно, даже выпивал с ним.

— Неужели?

— Честное слово, причем, в той самой пивной на улице Королёва, которая описана в романе. Помните, Данилов там созорничал — вернул девственность двум гулящим девицам.

— Гулящим? Х-м... Теперь говорят: женщинам с низкой социальной ответственностью.

— Если ты переходишь проезжую часть на красный свет или пьешь алкоголь за рулем, у тебя определенно низкая социальная ответственность. А гулящая — совсем другое дело, гораздо точнее и выразительнее. О, народ-языкотворец!

— Это верно.

— Заметьте, каков наш великий русский язык: выпала всего одна буква — «ю», и гуляющая, вышедшая на променады добропорядочная дама превратилась в потаскуху.

— Вы точно — пожарник?

— Помилуйте, Анна Леонидовна, конечно, нет. Я по-жар-ный! Две буквы, а разница огромная. Если верить Далю, пожарник — это виновник возгорания, а пожарный — огнеборец!

— Простите, но откуда, Всеволод Иванович, вы при такой профессии близко знаете писателя Орлова?

— Знал. Он умер три года назад. Огромная потеря для нашей словесности. А знал я его, потому что Владимир Викторович приезжал к нам на съемки и особенно часто в передачу «Книгочай». Там, за чашкой чая писатели и критики, не обинуясь, обсуждали новинки литературы и даже порой роняли доброе слово о собратях по перу.

— Да, знаю такую передачу. Скучновата...

— Это потому что ведет ее теперь литературовед Игорь Клязьмин, педант и зануда. Здесь его зовут «Клизмин».

— Точно! Но ведь у вас с Орловым, как бы это выразиться, разные сферы деятельности. Или вы во время каждой передачи, пардон, стоите наготове со шлангом? — она тонко усмехнулась, глянув на меня поверх очков.

— Ценю ваше остроумие, Анна Леонидовна! Нет, конечно, не стою. Мне вверено все противопожарное оборудование в комплексе, я, с вашего позволения, пожарный, а с брандспойтами стоят ствольщики. Улавливаете? Тут дело в другом. Нередко гости являются на запись или даже на прямой эфир в тяжелом состоянии, особенно мастера художественного слова. Парнас — место злачное. Осмелюсь напомнить, что Литературный фонд в 19 веке был создан для помощи неимущим и запойно пьющим писателям. Так вот, взбодрить гостя, вернуть его в рабочее состояние поручают нам, инспекторам пожарной охраны. Такая традиция...

— Странная традиция. Почему именно вам? — искренне удивилась альтистка.

— Мы знаем меру. Профессия обязывает. У нас большой опыт. Пожары случаются редко, а на Руси чем всегда скрашивали досуг? Красненьким да беленьким. Покойный же Владимир Викторович нередко приезжал к нам с большой головой, скажем так... Кстати, Анна Леонидовна, не выпить ли нам с вами... кофе под сводами?

— С вами... Почему бы и нет, — неуверенно кивнула она. — Кармадонов застрял в Стамбуле, опоздал на стыковочный рейс. Времени достаточно.

Мы спустились в подвал, устроились за столиком в углу. Я принес кофе, штрудель, панакоту, еще что-то вкусненькое. Мы разговорились. Поначалу Анна озиралась, видимо, оценивая, как воспринимают окружающие, что она, альтистка из знаменитого «Брависсимо», общается с обычным пожарным, но телевизионщики со мной приветливо здоровались, дружески хлопали по плечу, перекидывались шуточками. Сансарыч, похожий на улыбчивого коня в джинсовой попоне, показал на часы и предупредил:

— Иваныч, горим! Не расслаживайся!

— Опять? — я кивнул на асфальтовую ссадину на его лбу.

— Поскользнулся...

Это окончательно успокоило скрипачку, она отмякла, прониклась ко мне симпатией, и мы увлеклись беседой, говорили о романе Орлова, о литературе, о музыке. Осторожно оглядевшись, как давеча Абрамцев, Анна согласилась со мной, что Губайдулина за исключением треков для мультфильмов — полная дребедень.

— Откуда вы все это знаете при вашей-то профессии? — удивлялась она.

— Голубушка, вообразите, сколько смен я отдежурил во время записей и прямого эфира, пока дорос до инспектора. Нахвтался. Вот мой друг служит пожарным в Камергерском, так он там весь репертуар знает наизусть, даже суфлером иной раз подхалтуривает. Очень ругает Зудину, говорит: чистая Салтычиха!

— Ну да, конечно, как-то не сообразила...

Улучив момент, я, потупясь, как мальчик, сообщил, что у меня есть к Анне одна просьба, довольно пикантная.

— Что такое? — Она нахмурилась. — Мне кажется вы, Всеволод Иванович, торопитесь как на пожар.

— Вопрос снимается.

— Нет уж теперь продолжайте!

— Даже не знаю, с чего начать... Вы все равно откажете...

— Ну хватит жеманиться! Чего вы от меня хотите?

— Ладно, была не была! Я всю жизнь мечтал... безнадежно мечтал... пощупать...

— Что-о-о?! Вы, кажется, забываетесь!

— Бицепс скрипачки! — выдохнул я.

— И всего-то? Даже смешно. Ха-ха! Вы дурачитесь? — Кажется, моя новая знакомая слегка разочаровалась.

— Истинная правда! Можно?!

— Да ради Бога! — она, как культуристка, напрягла руку, и я сдвинул пальцами ее оплетенный голубыми жилками мускульный комочек, твердый, как хурма-королек.

— Ого!

— Еще бы. А вы попробуйте с шести лет поводить смычком туда-сюда по пять часов в день!

Мы так увлеклись, что я, несмотря на предупреждение Сансарыча, забыл про тракт. Но тут под своды влетела взбешенная Роз-Мари:

— Спятил? Гости собрались, а ты черт знает чем занимаешься! Извините, девушка! Чтобы через минуту был в студии! — и умчалась, пылая гневом: она всегда злилась, заставляя меня с хорошенькими женщинами.

— Вот видите, Анна Леонидовна, без меня съемку начать не могут, — вздохнул я, вставая. — А почему? Потому что противопожарная безопасность — это главное на телевидении! Заметьте, при мудрой Советской власти телефон пожарной службы был 01, милиции — 02, а скорой помощи — 03. Улавливаете иерархию? Кстати, а какой у вас телефон? — Я положил перед ней салфетку.

— А стоит ли... — заколебалась она. — Вы такой занятой специалист... Ну, так и быть, — альтистка достала из сумочки карандаш.

И в этот момент на большом плазменном экране над входом появилась заставка моей передачи «Звездная пара», ее записывали месяц назад, а сегодня, наконец, пустили в эфир. Возникли крупным планом Меньшов и Алентова, еще не сделавшая роковой пластической операции, а между ними, знаменитыми супругами, сидел, кто бы вы думали? Ведущий — я собственной персоной.

— Вот возьмите... — Анна протянула мне салфетку, и тут ее взгляд уперся в телевизор. Сначала альтистка удивилась, потом оторопела, затем нахмурилась и, наконец, захохотала, откинув голову и блестя ровными влажными зубами, кажется, еще своими собственными.

...Через неделю, разомкнув ноги, скрещенные на моей пояснице, она легла рядом, отдыхая от пережитого счастья, успокоилась и снова засмеялась:

— Как же ты классно меня разыграл! Но я-то, я-то... повелась, как дурочка из переулочка. Артист! Знаешь, когда я поняла, что мы рано или поздно окажемся в постели? — спросила Анна, вздохнув мою шевелюру, — Тебе говорили, что у тебя офигительные кудри?

— Говорили, — я в ответ взъерошил ее малый волосяной покров.

— Часто?

— Ты вторая.

— Трепач!
— И в какой же момент ты это поняла?
— Когда ты пощупал мой бицепс.
— А я думал, когда пожалел, что ты не дочь альтиста Данилова.
— Нет, если бы ты этим ограничился, тебе пришлось бы долго добиваться меня, гораздо дольше.

— Сколько?
— Ну, не знаю... Допустим, год. Смог бы?
— Запросто. Я настойчив. Ты замужем?
— Теперь уже нет. Но собиралась.
— За кого?
— За Витю Лаврина. Он трубач в нашем оркестре. Чертовски талантлив!
— А теперь?
— Все зависит от тебя! — она рукой, привычной к смычку, проверила мою готовность к продолжению (я, конечно, подстраховался «Елды-батыром») и одним ловким движением оседлала меня, как индейская женщина мустанга...

Как тут не вспомнить нашего золотописца Котомкина:

Неземная скрипачка Иветта.
В васильковых глаза Дебюсси.
И она тоже делает это?
О, да так, что святых выноси!

С тех пор мы стали встречаться, но не часто из-за ее постоянных разъездов, поэтому, когда вернулась в строй похорошевшая от счастливого материнства Слава, тоже редкая гостья в Москве, я несмотря на свой неюный возраст, справлялся, «меж двух богинь, деля восторг и негу». Опять-таки Бенедиктов.

Все эти воспоминания пронеслись передо мной, как счастливый ураган, я снова набрал телефон Анны, и она, о боги, отозвалась!

— Привет тебе, о дочь альтиста Данилова!
— Привет, огнеборец Сева, рада тебя слышать. Ты куда пропал?
— Боролся с пожарами.
— С июня?
— Прости, я онтологически не прав! — меня искренне удивило, как давно мы не виделись, казалось, максимум — месяц. — Виноват — исправлюсь! Какие у тебя планы на вечер?
— У нас концерт.
— А что потом делаешь?
— Ничего особенного. Рутинка.
— Могу тебя встретить после концерта.
— Не стоит.
— Почему?
— Есть две причины.
— Какие?
— Одна объективная, вторая субъективная. С какой начать?
— С первой, разумеется.
— Я на гастролях в Амстердаме.
— Ого! А субъективная причина?

- Я вышла замуж.
- За Лаврина?
- За него.
- Он все еще талантлив?
- Чертовски!
- А для измены ты пока еще не созрела?
- Нет. И вряд ли созрею. Мне в школе безумна нравилась Татьяна Ларина, а я теперь Лаврина. Улавливаешь?
- Улавливаю, но не зарекайся! Я буду ждать...
- Не стоит. Пока!

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

СЧАСТЛИВЧИК

(Рассказ)

С детских лет все его считали счастливчиком. Хорошая семья. Коренной москвич, дед — крупный государственный деятель, мама и папа — творческая интеллигенция. С рождения — дача в Кусково, участок 40 соток, собственный пруд.

Потом — институт, женитьба, рождение дочки, путешествия, стажировки за границей, работа журналистом... Вышедшие книги, дача в элитном поселке, большая трехкомнатная квартира на Аэропорте в писательском районе.

В Америке его так и называли Lucky men (счастливец).

Он никогда не возражал.

Но хорошо знал, что любая судьба трагична. У всех своя боль. Свои проблемы. Свое горе.

И у него тоже — не все сладко.

Он не любил вспоминать, как в детстве на недолгое время оказался в интернате, как жил в жуткой общаге в другом городе, когда учился в институте, как его однажды в этой общаге чуть не убили, как в двадцать два года угодил в психушку за написание палиндромов, как, прожив в счастливом небесном браке 40 лет, потерял жену, как потерял ребенка со второй женой, как пропал без вести его брат в возрасте 36 лет, как умер в 36 лет сын брата (его племянник), как тяжело умирала от онкологии мама, как дочь оказалась в эмиграции, как десять лет журналы не печатали его стихов и прозы и т. д.

Он никому про это не говорил.

Он и сам себя считал счастливчиком.

Потому что родился.

Потому что узнал, что такое любовь.

Потому что дошел своим умом — Бог это и есть любовь, а любовь — это и есть Бог.

Потому что имел способности к разным видам деятельности.

Потому что имел собственный небольшой домик с лесным участком.

Потому что имел возможность помогать близким людям.

И много еще почему.

Так он и жил — улыбчивый, радостный, немного несуразный и молчаливый.

2025

ПИСЬМА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

(Рассказ)

Эпидемия коронавируса многих заставила спрятаться в четырех стенах. Улицы городов опустели. Лишь изредка за окнами появлялись владельцы собак, пролетали на велосипедах доставщики еды и прошмыгивали, скрываясь под медицинскими масками и глубокими капюшонами, те, кто так и не приспособился заказывать необходимые товары на дом через интернет. Повсюду царила тишина, прерываемая периодически мужским хриплым — словно тоже не совсем здоровым — голосом из репродуктора, предупреждающим о том, что следует строго соблюдать правила самоизоляции. То и дело по безлюдным улицам медленно скользил, будто крался за кем-то, полицейский патруль. Людям старше шестидесяти пяти выход на улицу был воспрещен. К ним навевались волонтеры, но то и знай по телевизору всплывали истории о том, что под их видом в дом к пожилым пробирались мошенники... Да... Ничто в этом мире не проходит без побочных эффектов во всех смыслах этого словосочетания. Школьники и студенты учились удаленно. Служащие также осуществляли свою деятельность посредством самых разных площадок — от «Тимса» и «Зума» до «Скайпа» и «Ватсапа».

Вероника, как и все, оказалась в добровольно-принудительном заточении в своей квартире, при этом находилась там одна, ибо коронавирус застал членов ее семьи в разных уголках города и даже страны. Муж застрял в Москве в командировке, сын уехал к бабушке, оттуда было ближе к школе, что теперь, однако, стало совершенно не актуально. Они все созванивались по сто раз на день, но ощущение одиночества все равно не оставляло ее. Особенно ближе к ночи, когда все окончательно успокаивалось. Иногда так пробирало, что хоть на стенку лезь или там... на луну вой!

Чтобы избавиться от хандры или даже, более того, вечерней меланхолии, она начала убирать квартиру. Когда наводишь порядок, перебираешь старые и новые вещи, все тягостные мысли как-то сами собой отступают на десятый план. Забываешься.

И вот в один из вечеров, в разгар очередного этапа последовательной генеральной уборки, что-то поманило ее подняться на антресоль. Там пылились «древние», еще времен

СССР, родительские коробки с фотографиями, коллекциями минералов и камней, морскими и речными ракушками, старинными елочными игрушками и прочими диковинами. Она сама не могла четко осознать, что, собственно, ей было там нужно, постояла минуту, разминая ноги на гибкой ступени стремянки, вдыхая едкий запах бумажной плесени, решила было уже закрыть дверь антресоли, но тут смекнула, что неплохо бы пройтись тряпкой по всем этим несчетным коробкам и пакетам, раз уж затеялась такая спонтанная клининговая кампания. Дело, конечно, было опасное, практически утопическое. Можно было из такой уборки и не выбраться никогда, потонуть в груде старого хлама, но Вероника решилась. Принялась доставать одну коробку за другой и медленно спускать на пол.

Минут через тридцать весь коридор был заставлен почтовыми ящиками советской эпохи, коробками из-под конфет 1970–1980-х годов выпуска, целлофановыми пакетами с надписями «Тула — город-герой», «9 Мая», «Зенит. Чемпион СССР. 1984», «С Новым годом!». Все емкости были заполнены до краев и покрыты густым слоем серо-черной пыли. Все это нужно было протереть, разложить в удобоваримом порядке, а что-то и отправить на помойку. Но поди здесь разберись! Вероника громко чихала и уже начинала проклинать себя за спонтанную инициативу: «Ну кому это надо!.. Вот идиотка! До утра же провожусь... А завтра две лекции и семинар по проектам садов... Не выплюсь же!» У Вероники создавалось впечатление, что огромная куча на полу все разрасталась и разрасталась, совершенно не соответствуя сравнительно небольшим габаритам антресолей. Как это все там могло поместиться?! Непостижимо... Но, если разобраться, это так соответствовало тому времени. Многое в те годы вписывалось не в свои габариты. Да... Время было такое.

Вероника села между пакетами и стала медленно разбирать содержимое, которое не удержалось и вывалилось наружу. Пальцы быстро почернели от жирной пыли. От всех этих старых желтых тетрадок, конвертов, блокнотов, вырванных листов бумаги удушливо пахло плесенью. «Тут и за неделю не разберешься», — подумала она. Хотелось спать. Один только вид этой огромной бумажной кучи высасывал последние силы. Вероника решила лечь, а завтра уже заняться инспекцией этого хлама, что-то отправить на помойку, а что-то очистить от скверны и поднять обратно на антресоли до следующей полувековой ревизии.

С трудом оторвавшись от пола, Вероника стала пробираться сквозь пыльные кучи старья в сторону спальни. Неожиданно одна из небольших коробок из-под овсяного печенья упала прямо перед ее ногой и раскрылась. На пол вылетело несколько сложенных вчетверо желтых листов, исписанных, по всей видимости, чернильным карандашом. Местами буквы были размыты: должно быть, на них упали когда-то капли воды. «Старые письма, — подумала Вероника. — Откуда они здесь взялись? И чьи это письма?» Она снова села на корточки и подняла коробку вместе с выпавшими из нее листами.

Она порывалась уже снова распрямиться, как зацепилась взглядом за знакомый почерк, до боли знакомый. Это писала бабушка Анна. Она умерла вот уже двадцать лет назад, в начале девяностых, но Вероника хорошо помнила ее письма из Анапы и ее ровную, почти каллиграфическую манеру сцеплять четко прорисованные литеры. Она уехала в Анапу сразу после войны: дедушку направили туда на работу в местный суд. Дед ушел в армию сразу в сорок первом, все их родственники встретили войну далеко в тылу. Бабушку же блокада застала врасплох; не успев эвакуироваться, она жила в небольшой квартире на улице Глинки совершенно одна. Она рассказывала, что одиночество давило на нее в те годы, не давали покоя воспоминания: то голос мужа мерещился в темноте комнаты, то, казалось, мама зовет из кухни. Ночью снились эпизоды из довоенной жизни. Это были самые страшные сны в те дни, когда никого не было рядом и было неизвестно, живы ли ее близкие или нет. Однако Вероника помнила, что от одиночества бабушку спасала работа

в детском доме в Адмиралтейском районе, где-то совсем недалеко от ее дома. И спасала не только от одиночества, но и от голода. Одна бы на 300 граммов хлеба, а позднее и 125 граммов, в день она бы не прожила. А ведь она смогла дожить до разрыва кольца, дожидаться мужа с фронта и потом, в 1953-м, родить сына, Вероникиного отца.

Вероника прошла в комнату и положила коробку с неожиданными посланиями из прошлого на письменный стол. Мучительно клонило ко сну. Шатаясь от усталости, она погасила свет, рухнула на незастеленный диван недалеко от стола и тут же уснула.

С утра началась привычная рутина. Завтрак, умывание, первые лекции на платформе «Тимс». В перерыве между лекциями позвонил сын: он никак не мог разобраться в удаленной системе, в которой лежали школьные задания.

— Неужели ты не можешь сам разобраться в этом, Алёша?

— Нет, мама, не могу.

— Но мне некогда. Попроси бабушку.

— Бабушка в этом тоже ничего не понимает.

— Папе позвони.

— Он не берет трубку, у него собрание.

— Ну, как всегда, я должна решать все проблемы...

Вероника попробовала войти в мудреную систему. Все было тщетно.

— Ну кто придумывает такие хранилища?! И еще для детей!

— Я же говорил...

— Подожди. Я перезвоню. Сейчас свяжусь с вашей классной.

— Жду!

Классная тоже не отвечала. По всей видимости, ее телефон брали штурмом родители всего класса. До семинара оставались считанные минуты. Вероника набрала сына.

— Алёша, попробуй разобраться сам. Учительница недоступна. У меня начинается семинар.

— Хорошо, мама, понял. Попробую сам. Перезвоню через полтора часа.

— Хорошо...

Она положила смартфон, потянулась было к компьютеру, но тут взгляд упал на желтый лист бумаги, один из тех, что она обнаружила вчера поздно вечером. Вероника с трудом разобрала строчки, расплывшиеся, видимо, от капель воды:

«Как мучительно громко завывает ветер. Никогда я раньше не видела столько снега и льда. Как будто не только Гитлер, но и сама природа объявила нам войну. За что? Почему? Хотя им тоже там подмораживает. Может, и к лучшему. Пусть они тоже страдают от этого холода. Ведь они совсем близко...»

Вероника почувствовала, как что-то где-то очень глубоко внутри, ближе к левой стороне грудной клетки, напряглось и туго натянулось. Как тетива у лука давно в детстве, когда они с друзьями по двору играли в индейцев. Эта внутренняя тетива дрожала и пощелкивала. Вероника ощущала это очень явственно, буквально... Вот-вот и внутри разорвется что-то огромное, больше, чем она сама... Внезапно, словно гром посреди знойной тишины, раздался звук мессенджера. Вероника вздрогнула от неожиданности. Староста группы прислала сообщение в «Тимс»: «Вероника Алексеевна, добрый день. Сегодня будет занятие? Все собрались, ждут вас...» Прочитав эти строчки, Вероника мигом пришла в себя, собралась с мыслями и нажала на кнопку связи.

Вот уже долгие пятнадцать лет она преподавала ботанику и основы ландшафтного дизайна в одном из петербургских университетов. По специальности она была ботаником, но современные веяния заставили ее переквалифицироваться в садового дизайнера

и открыть свою небольшую семейную фирму по цветочному и растительному устройству частных садов. Совмещать две работы было сложно, но Вероника не бросала университет, приносящий ей более чем скромный заработок.

Коронавирус спутал все намеченные планы. К концу года студенты должны были сдать проекты по устройству садов. При этом речь шла не о стандартных проектах на бумаге или в компьютере, а о временных садах в специально отведенном месте ботанического сада на территории университета. Ведь как, еще совсем недавно, они радовались такой возможности! Теперь же все проекты были сугубо виртуальными: цифровые розы и лилии, диджитальные садовые фигуры, фантомные дорожки, посыпанные гравием, эфемерные яблони и сливы, кусты смородины и малины. От всех этих воображаемых красот тянуло холодом и пустотой. Ни аромата цветов, ни шелеста веток, ни хруста камешков под тяжестью шагов. Все было стерильно-неживым.

— Итак... — объявила Вероника. — Группа один... Китайский сад. Ответственная — Маша Соловьёва.

— Секунду, Вероника Алексеевна, включая демонстрацию... — На экране показалось лицо девушки лет двадцати в очках с тонкой оправой, за ними скрывались красивые, немного раскосые глаза. Взгляд Маши торопливо скользил по невидимым для остальных папкам с файлами.

И вот, после небольшой паузы, перед собравшимися возник классический китайский сад с некоторыми очевидными отступлениями от традиции. Здесь цвели китайские карликовые сливы в больших горшках, среди веток и листьев виднелись тут и там разноцветные птицы. На маленьком пригорке величаво возвышался павильон в виде пагоды. На земле были разбиты клумбы с пионами, дорожки извивались змейками.

— И что же? — спросила Вероника. — Всего одна «зеленая комната»?

— Ну... Мы же ведь ограничены в пространстве...

— Ну и что. Если это китайский сад, то должно быть пусть маленьких, но два-три двора или пространства. И еще не вижу камней и воды... Где сосны, бамбук, рыбки?

Маша задумалась.

— Да... Вы правы... Будем работать.

— Учтите: китайский сад — это не просто пространство для отдыха. Это философское пространство с очень строгими правилами. Необходимы растения, дома, камни и вода. Все это — четыре элемента классического китайского сада. Не забывают. Мы это все обсуждали. Если вы не соблюдаете это правило, тогда давайте другое название, не «китайский сад», а, например, «фантазия на тему китайского сада».

— Да. Поняла, — грустно отозвалась Маша.

— Что же, — продолжила Вероника, — следующая — группа два. Андрей Павлов. Сад русской усадьбы. Ну посмотрим, что там у вас за усадьба.

Послышались тихие смешки.

— Так. Не расслабляемся. Впереди еще три проекта, а времени в обрез. — Вероника то и дело бросала задумчивый взгляд на пачку старых записей.

На экране в этот раз открылся взору сад с кустами лиловой сирени и белой акации, широкие дорожки плавно струились между партерами с клумбами, на которых весело плясали ромашки, маргаритки, оранжевые лилии. То здесь, то там появлялись небольшие синие полянки незабудок, барвинков, колокольчиков и васильков. В центре была размещена двухэтажная постройка в стиле помещичьего дома восемнадцатого века. В саду виднелась белая беседка в виде ротонды и несколько белых же деревянных скамеек.

— Ну что же, Андрей, неплохо. Совсем неплохо. Проработайте детали, добавьте ягодных кустов, например крыжовника или малины, еще каких-нибудь цветов — и можно сдавать. И еще... Беседка-ротонда не совсем соответствует стилю... В восемнадцатом и девятнадцатом веках в стиле ротонды устраивали небольшие павильоны в парках. Беседки же, насколько я понимаю, имели иную форму. Изучите этот вопрос.

— Спасибо. Понял, — сухо отозвался молодой человек со строгим и очень вдумчивым выражением лица. У него были огромные глаза. Под натиском камеры они становились еще больше и оттесняли все остальное — и нос, и рот, и скулы, и подбородок. Два гигантских шара, как две холодные чужие планеты посреди космоса.

Он-то вопрос изучит, Вероника не сомневалась. Такой взгляд бывает только у тех, кто четко понимает, что ему нужно от жизни, от профессии, от каждой минуты, которую проживает. Слишком цепкий взгляд. Даже чересчур. Какой-то не творческий, управленческий. Веронике был ближе неуверенный взгляд Маши... Пусть она что-то там перепутала в китайском саде, но она впускала в свой проект воображение. Вот тех маленьких разноцветных птичек в листву деревьев... Когда Вероника смотрела на ее несовершенный проект, ей было легче дышать.

Как только полтора часа остались позади вместе со всевозможными виртуальными садами, Вероника набрала маму.

— Ну как там Алёша, разобрался?

— Да, все в порядке... Как ты там? Справляешься?

— Да. Все хорошо. Решила тут уборку устроить. Что-то вроде генеральной...

— Вот и правильно! Давно пора...

— Подожди... Я тут полезла на антресоли...

— О боже! Там одно старье. Лучше бы я сама там осмотр устроила. Постарайся ничего не выкидывать.

— Хорошо. Подожди минуту, послушай.

— Ну слушаю...

— Там я нашла пакет со старыми записями.

— Какими еще? — мама явно напряглась.

— Это, по всей видимости, записи бабушки Анны...

— Матери Алексея?

— Да, папы... Как они там оказались?

Мама не отвечала — видимо, пыталась вспомнить. Наконец немного натянуто отозвалась:

— Думаю, что это сам Алексей их туда положил... Или я... Теперь и не вспомнить. А что за записи?

— По всей видимости, ее блокадный дневник.

— Неужели?..

— Да.

— Ну что же... — протянула мама. — Нашла, и хорошо. Давай потом это обсудим. Я должна Алёшу кормить.

— Хорошо. Вечером созвонимся.

Вероника помнила, хотя уже и смутно, что между мамой и бабушкой Анной были далеко не безоблачные отношения. Обе друг друга недолюбливали. За что? Почему? Видимо, как обычно: свекровь и невестка всегда найдут повод для взаимного недопонимания. Серьезных причин для нелюбви не было, а вот мелких бытовых — хоть отбавляй. Не так мама готовила курицу или суп, не так складывает вещи в шкаф. Бабушка же, предположим, купила

не те продукты, что просили, сказала не то, что нужно, в неудачный момент и так далее, и так далее. Ничего глобального, но мелкие дрязги все равно разъедали атмосферу дома, когда бабушка приезжала в Ленинград из Анапы. Вероника не удивилась бы, если бы это именно мама, не разобравшись, закинула бабушкины записи подальше с глаз долой. И все из-за какой-нибудь мелкой ссоры. Но вполне возможно, что она тут была совсем ни при чем. Письма могли попасть туда по ошибке. Скажем, во время одного из ремонтов. Сколько причину ни ищи, факт остается фактом: бабушкины записи, которые она вела в такой трагический период ее жизни, оказались забытыми, никому не нужными, пылящимися на грязных антресолях.

Весь остаток дня и весь вечер Вероника продолжала начатую накануне уборку. Она протерла все коробки с безделушками, все пакеты с пожелтевшими старыми газетами и бумагами. Чихала, кашляла, проклинала себя за излишнюю инициативу, затем снова чихала и кашляла. Раз двадцать ей пришлось забираться на антресоли, чтобы очистить пространство от пыли и положить обратно все эти бесконечные емкости с прошлым. Потлился в десять ручьев. Закрыв наконец дверь на антресоли, она отправилась в ванную и приняла душ.

Под вечер позвонил муж, он заканчивал проект сада в одном из пригородов Москвы. Несмотря на коронавирус, заказов на ландшафтный дизайн не становилось меньше. Многие переехали за город, чтобы быть подальше от потенциальных источников заражения.

— Ну как ты там? Скучаешь одна?

— Да как-то не до скуки. Работы много. А как вы там? Заканчиваете проект?

— Да. Скоро закончим. Правда, смету пришлось немного поменять.

— В какую сторону?

— В сторону увеличения. Хозяева запросили больше кустов жимолости, сирени и еще раза в два больше туй.

— Зачем это? Все же было рассчитано.

— Да надоело спорить! Пусть делают что хотят.

— Ладно... Хорошо...

— Как Алёшка? Я не смог дозвониться до них...

— Завалили заданиями. Удаленно учиться, как оказывается, сложнее, чем офлайн.

— Да неужели? — муж усмехнулся. — А в наше время о таком только в фантастических романах можно было прочитать... или в фильмах увидеть... А теперь это наша реальность.

— И не говори... — Улыбнувшись, Вероника опять взглянула на пачку старых записей. Ей неудержимо захотелось рассказать о находке мужу. — Иван, ты представляешь...

— Что?

— Вчера взялась за уборку антресолей...

— Ого! Это подвиг...

— Подожди, я не об этом...

Мужа кто-то отвлек, он попросил подождать минуту.

— Ника, прости, меня зовут. Какая-то проблема.

— А ты еще на объекте?

— Да.

— Ну ладно. Завтра созвонимся.

— Пока!

Вероника набрала маму, но та почему-то не отвечала. Сын уже наверняка спал. Вероника решила больше не перезванивать до утра: вдруг мама тоже уже легла. Хотя маловероятно: она до мозга костей сова. Почему-то ей казалось, что та не хотела обсуждать вопрос обнару-

женных дневников. Может, там скрывалось что-то малоприятное? Или просто не хотелось ворошить прошлое? Ведь оно часто бывает таким неудобным, таким болезненным. А вот отца уже не было в живых. Он, возможно, был бы рад этим записям. Отец уехал из Анапы сразу после школы, учился в Ленинграде, жил у бабушки, так и не вернулся назад после института, но всегда был привязан к матери: то звал ее в Ленинград, то сам часто навещался в Анапу вместе с Вероникой. Она помнила бабушкину квартиру, залитую южным солнцем. Окна выходили прямо на набережную. Вероника целыми днями наблюдала с балкона, утопающего в цветах, за белоснежными кораблями, тарахтящими, как мотоциклы, катерами, небольшими лодками и похожими на лебедей парусниками. Это было удивительно спокойное, медленное время, сменившееся в конце восьмидесятых необратимыми, молниеносными, как летящая пуля, событиями.

Вероника подошла к письменному столу, села в кресло и зажгла лампу. Она притянула пачку писем к себе. Днем ее с первых же строчек поразил текст записей, он словно вмиг перенес Веронику в далекие сороковые и заставил почувствовать тот нестерпимый холод, смешанный с постоянным страхом обстрелов, о котором писала бабушка. Она раскрыла следующий лист:

«Сегодня с огромным трудом донесла воду до квартиры. Сил совсем нет. Еще ведро, как назло, падало раз пять на канале Грибоедова. Уже точно не помню. Но теперь есть вода. Дня на три хватит. Больше пока не пойду. Совсем сил нет...»

Ниже еще была запись:

«Вот уже третий день не выхожу на работу. Не могу. Кажется, заболела, сил нет. Вода кончилась. Еще немного крупы есть, а варить не на чем. Нужно собраться с силами и идти. Вот, как сумасшедшая, сама себе письмо пишу. Уговариваю жить».

За окном включили систему оповещения РАСЦО, уже до боли знакомый дребезжащий мужской голос предупреждал: «Уважаемые петербуржцы и гости города! Для сохранения здоровья вас и ваших близких просим оставаться дома и соблюдать режим самоизоляции. Соблюдайте личную гигиену, убирайте и проветривайте помещения. При первых признаках недомогания вызывайте врача на дом. За нарушение режима самоизоляции предусмотрена ответственность вплоть до уголовной...»

Вероника закрыла окно и вернулась к письмам из далекого, уже исчезнувшего на карте России, Ленинграда. Там, словно отозвавшись на призыв с улицы из сегодняшнего дня, речь пошла о тревожных предупреждениях из громкоговорителя тех далеких лет:

«...Опять объявили тревогу. Закрыла шторы, но выходить не буду. Разболелась нога, все равно не успею спуститься. Даст бог, пронесет. Хотя вот неделю назад в соседнем доме два подъезда накрыло бомбой, до сих пор не все завалы разобрали. А там ведь люди. Вот я тут лежу, а они там. Может, еще живые, а даже если и мертвые. Подумать страшно. Хотя смерть теперь рядом. Ее бояться-то перестаешь. Боже мой. Как там Михаил? Жив ли? Ох как сильно бомбят. И где-то совсем близко».

Дедушка был жив, хотя тоже ничего не знал о своей жене. Письма не доходили. Он воевал на Ленинградском фронте, участвовал в Усть-Тосненской операции. Казалось, находился не так далеко от бабушки, а между ними на четыре года как бездонная пропасть пролегла. Когда в начале сорок шестого он вернулся, бабушка его даже не узнала. Как рассказывала, пришлось как бы заново знакомиться и привыкать друг к другу. Ведь до войны они были женаты всего пару месяцев, а знакомы всего год с небольшим. Она уж думала, что в двадцать пять лет овдовела.

Вероника развернула следующий листок. Он был настолько сильно поврежден влагой и плесенью, что с трудом можно было разобрать лишь несколько строк, а сам текст был достаточно длинным, почти на всю страницу:

«Вот удача! Встретила своего однокурсника Игоря Андреева в очереди за хлебом. Не поняла, почему он не на фронте. Что-то со здоровьем, наверное. Но он в ЛГУ, помогает охранять здание Филологического факультета от обстрелов...

.....

...вчера с Игорем ходили через Неву в ЛГУ. У него есть пропуск для прохода на Васильевский остров. Игорь на следующей неделе, как выяснилось, уезжает на фронт, должен был повидаться там с кем-то из деканата. ЛГУ эвакуировали в Саратов, но кое-кто остался. Там даже, к моему удивлению, некоторые преподаватели живут. Зашли в ботанический сад. Там многое разрушено, павильоны разбиты. Тяжело смотреть на все это. Игорь помог мне раздобыть кое-что из овощей. Они там с осени небольшие запасы хранят...

.....

...вчера проводила Игоря до Сенной, оттуда он уже сам пошел с военнослужащими. В форме он совсем другой. И жизнь у него теперь другая. Увидимся ли еще когда-нибудь?»

Веронику поразили отрывки про ботанический сад. Вроде бы речь шла о войне, о самом страшном из периодов, о времени холода и смерти, а сад продолжал жить, там выращивали овощи, несмотря на бомбежки... А сегодня, посреди спокойной жизни, посреди постсоветского комфорта, посреди удобств глобального мира, ей со студентами приходилось обсуждать и сдавать проекты несуществующих садов. Ясно, что так было не навсегда, но это болезненно напоминало символ или знак чего-то предстоящего... чего-то необратимого... Читая эти строки, Вероника морщилась от пробирающего насквозь холода. Не потерять бы навсегда живые сады, не остаться бы навечно в этой виртуальной пустыне.

Вероника раскрывала листок за листком, перед глазами, как будто она сама все это видела и чувствовала, вставали обледеневшие реки и мосты, заваленные снегом улицы, люди, больше похожие на привидения, шли, шатаясь и спотыкаясь о каждый камешек или льдинку. Кто-то с трудом вез санки с ведром воды, старался не расплескать, но вода все равно предательски выпрыгивала и заливала дорогу. Кто-то падал и больше не вставал, вокруг собирались люди.

«А вчера я весь день слышала какой-то душераздирающий вопль... Он разрывал крошечную тишину города, пробирал до костей. Долетал он откуда-то издалека. Кажется, с Петроградской стороны или с Васильевского. Что это могло быть? Как будто человек стонал или какой-то зверь. Я сначала подумала, что опять летят, даже засобиралась в бомбоубежище, но нет. Это что-то совсем другое...»

.....

«...выяснилось наконец, кто был на днях. Люди в очереди за хлебом рассказали. Это слонику в зоопарке ранило бомбой. Она умирала два дня. Не пойму, как я могла слышать ее плач? Ведь это так далеко от нас...»

Прочитав эти строки, Вероника выронила листок из рук и долго сидела неподвижно, не в силах продолжать чтение... За окном пролетали птицы, небо становилось уже почти синим с сероватыми вкраплениями невидимых глазу облаков. Вот так многое в этой жизни было невидимым. Такие серые пятнышки ускользали, исчезали, не давались восприятию, не оставались в памяти. Она помнила, что в семье мало говорили о блокаде, о том, как бабушке пришлось одной выживать. Да и она сама не часто вспоминала об этом. Говорила лишь о работе в детском доме, о тоске по маме и мужу, о том, что не сожгла книги, когда было совсем холодно, о том, что с блокады из всей мебели уцелело лишь одно венецианское деревянное кресло, оставшееся после войны в квартире бабушкиной мамы... Кстати, оно и по сей день находилось среди семейных вещей, стояло в одной из комнат на даче. Дедушка тоже не распространялся о войне. Все были заняты, работали, растили детей и внуков, старались забыть о пережитых сложностях и жить мирной, спокойной жизнью. Постепенно их поколение ушло, состарились родители, отец умер. И вот она осталась практически одна с этими письмами-дневниками, которые ей даже не с кем было обсудить. Поколение Алёши, не без помощи сегодняшних учителей и интернета, задавалось вопросом, а стоило ли вообще все это терпеть тогда?.. Все они, и старые, и молодые, получается, говорили сегодня на разных языках, используя один и тот же русский... Одно было точно: эти письма оказались нужными ей самой. И она ощущала, что они попали в ее руки как раз вовремя — когда она оказалась почти в такой же ситуации. Совсем одна в закрытой квартире посреди опустевшего города.

.....

...«Как громко гудит сирена. Недалеко от нас разбомбили жилой дом. Через окно я видела, как санитары несут на носилках раненых. Людей много собралось. Нужно тоже выйти. Нужно помочь...

.....

...Когда же наступит какой-то просвет? Сил остается все меньше и меньше... Хотя лучше об этом и не задумываться. Иначе не одержу я победу в этой схватке с одиночеством, а, по сути, с самой собой».

Поэтесса, прозаик, актриса, Заслуженный писатель Московской городской организации Союза писателей России, член Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Живет и работает в Москве.

КАРРАБАС — КРИСТИАН: ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

ПРОЛОГ

Театр. В зале темно, сцена освещена камерным светом. Каррабас — хозяин театра. Он же: актер, режиссер и автор пьес.

КАРРАБАС: *(с самим собой)*

Как скучно, каждый день похож на прошлый!
Играть судьбу, как клоун на трубе,
Бессмысленно, ничтожно, глупо, пошло,
Ломать комедию, в бессмысленной борьбе.
И жизнь пуста, и мой герой так пресен,
Что самому себе не интересен!

Настало время все начать сначала.
Сию минуту, здесь, с пустого зала.

ГОЛОС:

Достопочтенная публика!
Скинись по рублику!
Сегодня для вас, единственный раз,
Маэстро Каррабас предстанет анфас!
Кончены сказки! Сорваны маски!
Старый Театр летит в Тарр-таттр!!!

КАРРАБАС: А, это ты, давнишний мой приятель!

(Из вороха реквизита вылезает Буратино.)

БУРАТИНО: Партнер, слуга и друг! Но Карло — мой создатель!

КАРРАБАС:

Терпенья моего осталась капля —
Болтаю с куклой я, как в продолжение спектакля.
Все! Кончено, менять репертуар!
Театр Старый пусть летит в Тартар!!!

Мне меланхолия отныне — друг любезный,
А куклы — хлам никчемный, бесполезный.
Избавиться от них пришла пора,
Вон, в сундуках их целая гора!
Мешает мне идти вперед к вершинам
Тряпье вчерашнее, шуршанием мышинным.
Составлю опись отслуживших кукол
Немедленно, пока не передумал.

Не следует откладывать на завтра
Созданье Современного Театра!

АКТ 1

Подсобное помещение театра. Каррабас открывает сундуки с реквизитом и составляет опись отслуживших свое кукол, зачитывая вслух короткие характеристики.

КАРРАБАС: *(читает вслух)*

МАЛЬВИНА — холодная, упрямая, пустоголовая красотка. По устаревшим понятиям называлась «душа театра». Пахнет пылью театральных подмостков и детскими снами. Ее улыбка глупа и предсказуема, как орнамент кулис.

ПЬЕРО — вечно плачущий зануда, не умеет держать язык за зубами, слушает больше зрителей, а не режиссера. Для нового театра он лишний, как развязанный шнурок, мешающий быстрой ходьбе.

АРЛЕКИН — умеет веселить, но создает хаос, бесполезный острослов в цветных лохмотьях. Театральной дисциплине не поддается.

БУРАТИНО: *(вставляет слово)* Не торопись отправить нас в Тартар, не зря народ приходит в твой театр!

КАРРАБАС: Хватит меня учить, лентяй из деревяшки! Захочу, избавлюсь от тебя первого. Еще одно слово, и ты...

В руках у Буратино появляется Золотой ключик. Он покачивает им перед глазами Каррабаса, словно гипнотизер маятником.

БУРАТИНО:

Пусть сердце охватила тьма, ей не свести тебя с ума,
Быть может, разуму научит мой Золотой, волшебный ключик?
Не пустота рождает Слово, а опыт — мудрости основа.
Не предавай своих друзей, построй им «новый Колизей»,
Создай музей «Старинных Кукол»! Вдруг там и мне найдется угол?

КАРРАБАС:

Не беспокойся, друг старинный, мой хитроумный Буратино,
Да разве ж я оставлю вас?!
Склоняю голову с повинной — да, жить негоже напоказ.
Но тьма, как призрак гильотины, еще вернется, и не раз...

АКТ 2

Каррабас поднялся в гримерную, сел за столик перед трехгранным зеркалом, посмотрел на свое отражение и задумался.

Его рука медленно потянулась к ножницам: сначала осторожно, а потом все смелее стал он отстригать свою длинную густую бороду, ощущая в душе странное чувство радостного самоистязания. Обкорнав бороду, ему захотелось сбрить усы. А увидев результат, он решительно подстриг буйную шевелюру.

Каррабас смотрел на свое новое отражение, и события недавних двух часов, словно дурной сон, проплывали перед глазами.

Он пытался осознать свой неожиданный поступок, в одно мгновение изменивший жизнь и его, и театра. Удивляло то, что он вдруг прислушался к чужому мнению, понимая, что наглый Буратино прав: «Новое рождается не от избавления от старого, а из умения увидеть связь между старым и новым» Да, он откроет «Музей старых кукол», и все будут довольны: старые куклы уйдут на заслуженную пенсию, а он, Каррабас, сможет собрать новую труппу и создавать современные спектакли. Но что-то в глубине души мучило его, не давало покоя. И вдруг в голову пришла безумная мысль: может, это он — лишний в театре?

Из зеркала на него смотрел незнакомый симпатичный мужчина средних лет с умными карими глазами.

Каррабас остался доволен результатом и, неожиданно для себя, сказал: «Ну что, брат, давай знакомиться!»

Он долго смотрел в глаза своему отражению, между ними словно возникла некая пуповина, и в памяти всплыло имя — Кристиан.

«Да, именно так меня зовут! Что же могло со мной приключиться такого, чтобы я превратился в Каррабаса?!»

В тот же миг открылись шлюзы воспоминаний, и картины прошлого, как кинолента, поплыли перед глазами. Каррабас увидел всю свою жизнь — с самого рождения.

Он с детства мечтал стать артистом. Но для этого существовало непреодолимое препятствие: заикание. Над ним смеялись, советовали выкинуть из головы напрасную идею. Но один старый актер посоветовал ему пойти в цирк коверным клоуном.

Так КРИСТИАН стал КАРРАБАСОМ.

Сначала выходить в манеж и смешить публику было счастьем. Он раздобыл рыжий парик, красный нос, сделал сердитые черные брови, а лицо разрисовал белилами. Каждый его выход имел оглушительный успех. Так Кристиан — Карабас нашел свою мечту на арене цирка.

Однажды в труппе появилась новая артистка — прекрасная канатоходка Мальвина. У нее была хрупкая, словно фарфоровая, фигурка и пышные голубые волосы.

Кристиан влюбился с первого взгляда, ему казалось, что и он тоже нравится Мальвине. Она всегда приветливо улыбалась ему, взлетая под купол цирка, а один раз подарила ярко алую розу. Кристиан уже был готов сказать о своей любви, но вдруг увидел ее, флиртующей с акробатом Пьеро. Кристиан решил, что Мальвина видит в нем только смешного рыжего клоуна, и затаил в душе обиду и разочарование.

В этот момент КАРРАБАС окончательно вытеснил КРИСТИАНА.

Некоторое время он жил, как во сне, а вскоре навсегда покинул цирк и создал свой Театр. Но не с живыми актерами, а с куклами. Карабас стал хозяином бездушных кукол, за невозможностью управлять живыми людьми. Он заказал в театральных мастерских куклу Мальвину — точную копию канатоходки, и куклу Пьеро — точную копию своего соперника акробата. Он придумывал для них сюжеты о неразделенной любви и радовался их кукольным страданиям. Но и это не избавляло от сжигающей душу обиды.

И к чему он пришел? К выгоранию, к самоуничтожению. По сути, он не прожил свою судьбу, малодушно сбежал, из страха получить отказ, спрятался за стенами Театра!

А ведь мог набраться смелости, смыть клоунский грим и объясниться в любви живой Мальвине, и кто знает, может быть, она выбрала бы его?

АКТ 3

От нахлынувших воспоминаний Каррабасу — Кристиану стало душно. Словно пьяный, он вышел на улицу. Вечерело. Он брел без цели и не заметил, как оказался на городской площади.

Вдруг, прямо перед собой, он увидел цирковой шатер. Видно было: его только что установили и представления еще не начинались. Ноги сами понесли его внутрь, он узнал родное шатино, где впервые, рыжим клоуном, вышел в манеж!

Внутри шатра было пусто, только униформисты выполняли последние приготовления к началу сезона. Кристиан прошел во внутренний дворик к цирковым вагончикам. На них были наклеены афиши различных программ. Его взгляд остановился на старой афише: канатоходка с пышными голубыми волосами жонглирует булавами и бросает их вниз, а внизу их ловит рыжий клоун.

Сердце бешено заколотилось в груди: Мальвина и он, вместе на одной афише!!!

«Да, это редкая афиша, можно сказать, единственная в своем роде» — раздался голос.

Кристиан вздрогнул от неожиданности. Рядом с ним стоял немолодой мужчина, по виду, работник цирка.

«На афише запечатлена история не состоявшейся любви. Видите красавицу с голубыми волосами? Это Мальвина — канатоходка. А внизу — клоун Каррабас. Он был влюблен в нее, но внезапно покинул цирк.

А она тоже его любила, и когда он исчез, так переживала, что упала из-под купола цирка во время выступления. Чудом осталась жива, но работать артисткой больше не смогла».

«Что же стало с ней?»

«Научилась делать кукол и открыла собственную мастерскую в этом городе».

От неожиданной догадки у Кристиана перехватило дыхание: неужели куклы его Театра сделаны в мастерской Мальвины, быть может, ее руками?!

«А откуда Вам это известно?» — спросил он собеседника.

«Я Пьеро, цирковой акrobat. По иронии судьбы, до сих пор безответно влюблен в Мальвину. Она флиртowała со мной, чтобы вызвать ревность Каррабаса и подтолкнуть его к объяснению, но он, видимо, решил, что она любит меня и исчез из цирка».

Кристиан хотел еще что-то спросить, но собеседник исчез. Кристиан, пользуясь моментом, заглянул внутрь шапито. Там не было ни души, и он, по старой памяти, прошел к манежу. Ничего не изменилось с тех пор! Ему на миг показалось, что вернулся тот самый день, когда все произошло.

«Что произошло?!» — застучала в голове мучительная мысль — воспоминание, запрятанное глубоко в подсознании, воспоминание об ужасном поступке, о преступлении, совершенном...

Кристиану стало душно, дыхание перехватило, перед глазами все поплыло, и он схватился за конструкцию, стоящую в манеже. Это оказался аппарат воздушных гимнастов с натянутой подвесной лонжей. Лонжа... Его охватил жар, ладони вспотели. Он вспомнил все: Мальвину, флиртующую с Пьеро, и себя, перед началом представления забегающего в манеж, чтобы повредить трос — крепление лонжи Мальвины. Музыка, овации, смех зрителей. Вот Мальвина, легкая, как перышко, взлетает под купол, делает пируэт, а потом — звук падающего тела, истерика толпы, крики. И пробел в памяти на долгие годы.

Каррабас — Кристиан долго бродил по городу и к вечеру оказался перед входом в полицию. «Арестуйте меня, я убил чело...» — еле выговорил он.

Инспектор полиции выслушал его рассказ и попросил изложить все на бумаге, после чего Кристиана заключили под стражу до выяснения обстоятельств дела.

В камере он всю ночь ходил из угла в угол и только под утро забылся беспокойным сном. Ему снилась улыбающаяся Мальвина, она прощала его!

На следующий день группа полицейских отправилась на городскую площадь, но не обнаружила там циркового шапито. Как выяснилось, ни вчера, ни раньше, ни тем более сейчас никакой цирк в город не приезжал.

Кристиана выпустили за отсутствием состава преступления.

Ему очень хотелось возразить и поспорить с инспектором полиции, что шапито не могло так просто исчезнуть с городской площади! Но он сознательно удержался от собственной провокации, сообразив, что его окончательно сочтут сумасшедшим, и не дай бог, упекут куда-нибудь похуже тюрьмы.

Он возвращался домой с чувством душевного возрождения. Пережив за сутки столько полярных эмоций: от обиды, злости и ненависти до раскаяния и самоуничтожения. Он ощущал, как невыносимо тяжелый груз упал с души, и темный морок подсознания отпустил, наконец, воображаемых демонов разума.

Кристиан теперь ясно представлял, каким будет его театр.

Он не отправит своих маленьких артистов на пенсию и не станет открывать Музей старых Кукол!

Он напишет новую пьесу и поставит спектакль под названием «Цирковой роман», а для этого закажет в кукольных мастерских двух новых кукол: рыжего и белого клоунов — «Каррабаса» и «Кристиана».

И, как бы ни было велико искушение прийти в мастерские лично, в надежде встретить Мальвину, он не сделает этого.

В день премьеры в театре был аншла́г. Спектакль имел большой успех, зрители не скупилась на аплодисменты. Кристиан окинул взглядом зал. В 8-м ряду сидели два человека: мужчина и женщина. У женщины были пышные седые с голубым отливом волосы, а в мужчине он узнал незнакомца, встретившегося ему в несуществующем шапито.

ЭПИЛОГ

БУРАТИНО: Я бы и слова не произнес, если бы не был идейным вдохновителем Каррабаса — Кристиана с самого начала истории.

И пусть я всего лишь простая неодушевленная деревяшка по имени Буратино — мой совет возымел действие.

А посему, уважаемая публика, позвольте откланяться!

Милости просим на представление, в Новый Театр маэстро Каррабаса — Кристиана и вашего покорного слуги!!!

ОЧЕВИДНЫЕ ПЛЮСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭПОХИ

Свои первые стихотворения я напечатал будучи студентом факультета иностранных языков в газете Тамбовского педагогического института «Народный учитель» в 1981 году. Инициатором публикации был Сергей Евгеньевич Бирюков.

Прошло 45 лет.

45 лет я постоянно печатаюсь в самых различных изданиях и в самых различных жанрах.

И почти 40 лет работаю редактором-журналистом-издателем.

То есть я застал советские литературные времена, когда СМИ платили за каждую напечатанную строчку.

В советское время (как, впрочем, и сейчас) я писал в основном на культурные темы, партию не прославлял, никто этого от меня и не требовал. И, разумеется, слова плохого о брежневской эпохе я не скажу.

Много тогда было хорошего.

И профессия «литератор» тогда была.

Сейчас такой профессии нет.

За стихи не платят.

За статьи не платят.

Книги — чаще всего! — издаются за счет средств авторов.

И т. д. И т. п.

Но все-таки... Так ли все сейчас плохо?

Я так не считаю.

Боле того, я считаю, что сейчас для поэта (или прозаика) вообще не худшие времена.

Почему?

Потому что сейчас я могу писать все, что хочу, не оглядываясь ни на какие СМИ, не учитывая их вкусы, предпочтения, их формат.

Сейчас я любое свое произведение могу разместить в соцсетях или на портале «Читальный зал» (<https://reading-hall.ru/>), который создал много лет назад и который ежедневно читают тысячи людей более, чем в ста странах мира.

Сейчас мне не надо постоянно перепечатывать свои стихи на печатной машинке и развозить их по редакциям...

Сейчас мои стихи, размещенные в интернете, быстро прочитают дорогие и любезные моему сердцу люди — Нина Краснова и Вероника Долина, Евгений Минин и Алиса Аркадьевна Гринько, Юрий Казарин и Галина Климова, Сергей Евгеньевич Бирюков и Евгений Юрьевич Сидоров, Нина Казинцева и Владимир Панжев, Ольга Чернорицкая и Татьяна Кириличева, Арсен Мелитонян и Инна Ряховская, Надежда Кондакова и Инесса Ильина, Александр Бубнов и Вера Панченко, Константин Комаров и Александра Крючкова, Елена Ерофеева-Литвинская и Елена Степанова, Елена Павлова и Пётр Георгиевич Гулдедава...

А я могу прочитать их произведения.

Таким образом происходит обмен душевными энергиями, мы не теряем друг друга из вида.

4 года подряд в силу разных причин личного свойства я не размещал в социальных сетях свои стихи.

А недавно за две недели разместил 10 стихотворений. И на два из них очень квалифицированный и глубокий текстолог и поэт Ольга Чернорицкая написала два доброжелательных отклика. Получились обстоятельные научные статьи. А также тепло откликнулись Вероника Долина, Нина Краснова, Евгений Юрьевич Сидоров, Нина Казинцева, Женя Минин, Инна Ряховская, Вера Панченко...

Но ведь это и есть счастье литератора...

А счастье дороже любых гонораров.

Хотя, конечно, гонорары тоже вещь приятная. Тут спорить бессмысленно.

2026

Евгений СТЕПАНОВ

ПИСАТЕЛЬ-ПРАВЕДНИК

(к 135-летию памяти великого русского писателя
Николая Лескова)

Никакими мерками не измерить безмерный талант Николая Семёновича Лескова, не исчерпать до конца глубин его произведений, в которых каждая строка проникнута скрытой теплотой сердца великого русского писателя. Своему рассказу «Скрытая теплота» Лесков предпослал эпиграф: «Скрытая теплота не поддается измерению», и слова эти — о самом писателе.

Религиозный философ и богослов Владимир Соловьёв, хорошо знавший Лескова, справедливо указал, что его читатели «все сойдутся, конечно, в признании за ним яркого и в высшей степени своеобразного таланта, которого он не зарывал в землю, а также — живого стремления к правде».

Лесков прожил жизнь, полную «всяческих терзательств»: тревог, борьбы, изнурительного труда, духовных исканий и обретений. В 1889 году в ответ на упрек, что он «сделал недостаточно», Лесков писал: «Не видно ведь, сколько талантов я получил от моего Господина и на сколько сработал? Это только Он разберет. Может быть, я что-нибудь и зарыл, "закопал серебро Господина моего", но я шел дорогою очень трудною, — все сам брал без всякой помощи и учителя и вдобавок еще при целой массе сбивателей, толкавших меня и кричавших: "Ты не так... ты не туда... Это не тут... Истина с нами, — мы знаем истину". А во всем этом надо было разбираться и пробираться к свету сквозь терние и колючий волнец, не жалея ни своих рук, ни лица, ни одежды».

В конце жизни писатель выстрадал свое понимание истины — в «раскрытии сердца», в «просветлении духа», «отвержении разума». «Чей я? — размышлял Лесков. — Хорошо прочитанное Евангелие мне это уяснило, и я тотчас же вернулся к свободным чувствам и влечениям моего детства... Я блуждал и воротился, и стал *сам собою* — тем, что я есмь».

Готовясь пройти в «*выходные двери*» последнего странствия, он паковал свой *духовный багаж*, в котором «не значили ничего ни имения, ни слава, ни родство, ни страх». Лесков постиг, что значат слова: «Ты

во мне, и я в Тебе, и Он в нас». «Во всей жизни только и ценны эти несколько мгновений духовного роста — когда сознание просветлялось и дух рос». Писатель познал, что «в делах и вещах нет величия» и что «единственное величие — в бескорыстной любви».

Восстанавливая на склоне лет давно угасшую переписку с сестрой Натальей Семёновой, ставшей в монашестве «сестрой Геннадией», Лесков писал: «в общении людей вижу большую для них пользу, а в отчуждательстве и прекращении сношений — явный и очевидный вред». Ранее не любивший поздравлений с днем рождения — с «нарастанием лет», теперь он растроганно благодарит сестру за поздравление с 64-й его годовщиной — всего за несколько недель до смерти: «Ведь чуть было не растерялись совсем! Ну и хорошо! Значит, и в новом существовании друзьями встретимся. Хорошо!»

«Пустого и незначительного» в отношениях с людьми для писателя не существовало: все было ценно, требовало внимания снисхождения, участия.

Андрей Николаевич Лесков — сын и биограф писателя — отмечает, что в отце жило «еще одно очень ценное, незаслуженно мало отмеченное и едва ли не забытое свойство — неиссякаемая и неустанная потребность живого, действенного доброхотства». Лесков каждому «шел на выручку и подмогу сплошь и рядом», даже «к заведомому быломu недругу, а то и прямому, хорошо навредившему ему когда-то врагу». Особенно если в беду и нужду попадал литератор, никакие сомнения не допускались, все обиды забывались, личные счета отпадали. И примером писателю служил его же собственный персонаж-праведник — главный герой рассказа «Несмертельный Голован», который «ломал хлеб от своей краюхи без разбору каждому, кто просил», следуя евангельскому призыву *«преломи и даждь»*.

В своем доброделании Лесков совершенно преображался: «Где-то в глубине его непостижимо сложной души таилась живая участливость к чужому горю, нужде, затруднениям, особенно острая, если они постигали работников всего более дорогой и близкой его сердцу литературы, членов их семей или их сирот. В этой области все делалось без чьих-либо просьб или обращений, по собственному почину, чутью, угадыванию, движению, органическому влечению, нераздельному с большим жизненным опытом, навыками, чисто художественным представлением себе положения человека, впавшего в тяжелое испытание, беду. Немного знает литературная летопись его времени таких заботников о неотложной помощи нуждающемуся товарищу, каким неизменно всегда бывал Лесков, — вспоминал сын писателя. — Собрать деньги; поместить больного в лечебницу; помирить с редакцией, "выправить" или "проправить", не хуже своей собственной, чужую "работку" и "пристроить" ее в печать; добыть потерявшему место "работишку"; выпросить принятие юноши, исключенного из одной гимназии с "волчьим паспортом", в другую, выхлопотать в мертвенном Литературном фонде пособие; поместить в богадельню беспомощную литераторскую нищую вдову <...> — на все такие и схожие хлопоты он всегда первый, неустанный старатель. <...> Вот, так сказать, его сredo. Исповедовал и воплощал его Лесков на протяжении всей своей жизни неотступно». Доброхотству писателя сохранилось множество документальных подтверждений: и в письмах, и воспоминаниях, в статьях и заметках.

Когда дни Лескова были уже сочтены — 12 февраля 1895 года — в *«прощеное воскресенье»* — день, в который православным «положено каяться друг перед другом во взаимно содеянных грехах и гнусностях», к дому писателя пришел, не решаясь переступить порог, «злейший его враг и ревностный гонитель, государственный контролер в министерском ранге» Третий Филиппов.

Сцену их встречи Лесков взволнованно передавал сыну Андрею:

«— Вы меня примете, Николай Семёнович? — спросил Филиппов.

— Я принимаю всех, имеющих нужду говорить со мною.

— Перечитал я вас всего начисто, передумал многое и пришел просить, если в силах, простить меня за все сделанное вам зло.

И с этим, можешь себе представить, опускается передо мною на колени и снова говорит:

— Просить так просить: простите!

Как тут было не растеряться? А он стоит, вот где ты, на ковре, на коленях. Не поднимать же мне его по-царски. Опустился и я, чтобы сравнять положение. Так и стоим друг перед другом, два старика. А потом вдруг обнялись и расплакались... Может, это и смешно вышло, да ведь смешное часто и трогательно бывает <...> все-таки лучше помириться, чем продолжать злоститься <...> Я очень взволнован его визитом и рад. По крайней мере кланяться будем на том свете».

Лесков не стоял перед перспективой полного уничтожения, он твердо хранил веру в Бога и бессмертие: «Думаю и верю, что "весь я не умру", но какая-то духовная постать уйдет из тела и будет продолжать вечную жизнь».

В последние годы писатель страдал тяжелым недугом сердца. Первый приступ болезни он испытал на лестнице типографии А. С. Суворина, где печаталось Собрание сочинений Лескова, в знаменательный день 16 августа 1889 года, когда он узнал о цензурном аресте шестого тома его сочинений, куда входил цикл рассказов и очерков «Мелочи архиерейской жизни». С тех пор писатель постоянно ощущал «истому от дыхания недалеко ожидающей смерти», сжился с мыслью о ней. «*Распряжки*», как он называл, и «*вывода из оглобель*» Лесков не страшился. Затронув вопрос о неизбежном, старался ободрить и близкого человека: «Может быть, так легко выпряжешься, что и не заметишь, куда оглобли свалятся». Однако писатель не мог не думать о «*великом шаге*».

Склонность «заглядывать за край того видимого пространства, которое мы уже достаточно исходили своими ногами» он все чаще обнаруживал во многих беседах и письмах последних лет. Одно из них — к Суворину от 30 декабря 1890 года: «Я получил Ваше приглашение, Алексей Сергеевич, — встретить с вами новый, 1891 год. Благодарю Вас за внимание и ласку и приду к Вам. <...> никому не ведомо — придется ли нам еще раз встретить этот день на этой планете... Радуюсь за Вас, что мысль о "великом шаге", по-видимому, все сильнее дружится с Вами и даже, быть может, уже "сотворила себе обитель в Вас"... На свете есть много людей, которые ее боятся и гонят от себя, а как это жалостно и как напрасно! Она очень сурова, но как только сроднишься с нею, так она словно будто делается милостивее... А между тем в ней кроется самая могущественная сила утешения и умирения себя. Кроме смерти, в известном возрасте все становится очень мелким и даже не волнует глубоко. У аскетов читал, от вдумчивых стариков слышал, и Лев Николаевич <Толстой> мне рассказывал, что самое нужное — это смириться (то есть войти в лады) с мыслью о неизбежности смерти. Я с нею ложусь и встаю давно, и с той поры как сжился с нею — увидел свет: мне все стало легче, и в душу пришла какая-то смелость, до сих пор неизвестная».

Так, по крайней мере, в теории смерть не страшила. Писатель имел «ясную веру в нескончаемость жизни» — это был большой шаг к постижению Истины. «Но, — писал Лесков Л. Н. Толстому, — как ни изучай теорию, а на практике-то все-таки это случится впервые и доведется исполнить "кое-как", так как будет это "дело внове"».

Хотелось преступить последнюю черту с достоинством, сохранив «бодрость душевную — бодрость ума и живость чувства», как «доберегла» до 85 лет Татьяна Петровна Пассек — писательница и журналистка. О ней Лесков написал теплую статью. По слову писателя, эта «литературная бабушка» «умерла молодцом! — «Уплыла»... В свою последнюю ночь она попросила сыграть ей на гитаре: «Хорошо... Я плыву... Перебирай аккорды гитары! ...Жила умницей и "уплыла" во всем свете рассудка».

«Все чувствую как будто ухожу...», — говорил о себе Лесков в последние годы. Но, и уходя от мира, писатель сохранял свое удивительное жизнелюбие, особенно ценил, как последние лучи заката, дружескую беседу, общение с близкими, малейшее радостное проявление жизни вокруг себя.

Сын его Андрей вспоминает, как привел своего собственного сына Юрия поздравить дедушку с именинами и с 64-й годовщиной, которая стала последней в жизни писателя: «4 февраля, в день "списателя канонів" Николы Студийского, в шестьдесят четвертую годовщину рождения Николая Лескова, поздним утром на мягкой оттоманке у него сидел пришедший поздравить деда 2-х с половиной-летний его внук.

Лесков был неузнаваем. Забывая все свои недуги, он ползал по ковру, умиленно поднимая и подавая младшему из Лесковых вещицы, которые последний святотатственно брал со святой святынь — с писательского письменного стола! Случайные гости, не веря своим глазам, дивились благообразности, светившейся в обычно гневливых глазах хозяина. Сколько бы раз внук ни бросил только что поданную ему дедом безделушку, тот торопился сам разыскать ее на полу и снова вручить баловнику. Попытки невестки, опасавшейся утомить больного свекра, увести сына вызвали горячий протест и трогательные просьбы старика побыть у него подольше».

Лесков был поистине живым человеком и горел полнотой жизни — не только в кругу домашнем, но и в общественном, литературном — до последнего вздоха. «Когда, бывало ни зайдешь к нему в его маленькую уютную квартирку на Фурштадской, — вспоминал критик М. О. Меньшиков, — всегда застанешь его чем-нибудь взволнованным, расстроенным или восхищенным: каждая низость в общественной жизни делала его больным на несколько дней <...> зато и каждый признак свежей, чистой жизни в литературе, политике, обществе приводил его в умиление: он радовался, как ребенок, и "носился", как говорится, с хорошею новостью, спеша всем ее сообщить и расславить. К молодым писателям, обнаруживающим дарование, он питал просто отеческую нежность: он первый писал им письма, приглашал их к себе и часто захваливал до преувеличения <...>

В Лескове, который по возрасту и заслугам мог бы считать себя "литературным генералом", не было и тени этого противного генеральства: он был необыкновенно для всех доступен и со всеми одинаково прост и любезен».

Но в то же время писатель был скромн и не любил помпезного шума вокруг своего имени. В наступившем 1895 году исполнялось 35 лет его литературной работы. Ранее Лесков отклонял перспективы празднования и двадцатилетнего, и тридцатилетнего юбилеев его служения литературе. В письме 1890 года в редакцию газеты «Новое время» писатель просил «оставить без исполнения» мысль об устройстве «юбилейного праздника»: «С меня слишком довольно радости знать, что меня добром вспомянули те люди, с которыми я товарищески жил, и те читатели, у которых я встретил благорасположение и сочувствие. "Сие едино точию со смирением приемлю и ничего же вопреки глаголю". А затем я почитаю мой юбилей совершившимся и чрезвычайно удобно и приятно для меня отпразднованным». А в начале 1895 года писатель посылает письмо редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «Уважаемый Сергей Николаевич! Очень может быть, что к Вам обратятся с какими-нибудь предложениями по поводу исполнения 35 лет моих занятий литературою. Сделайте милость, имейте в виду, что я не только не ишу этого (о чем, кажется, стыдно и говорить), но я не хочу никого собою беспокоить, и не пойду ни в какой трактир, и у себя не могу делать трактира. А поэтому эта праздная затея никакого осуществления не получит, и ею не стоит беспокоить никого, а также и меня. Преданный вам *Н. Лесков*».

Болезнь Лескова как будто отпустила, и 13 февраля 1895 года, в Чистый понедельник, на первой неделе великого поста, писатель посетил выставку картин художников-передвижников, открывшуюся в залах Академии художеств. Здесь был помещен его портрет кисти В. А. Серова. Во время работы художника писатель с радостью и шутливой гордостью делился первыми впечатлениями: «Я возвышаюсь до чрезвычайности! Был у меня Третьяков и просил меня, чтобы я дал списать с себя портрет, для чего из Москвы прибыл и художник Валентин Александрович Серов, сын знаменитого композитора Александра Николаевича Серова. Сделаны два сеанса, и портрет, кажется, будет превосходный».

Однако на выставке портрет смутил писателя, произвел на него тяжелое впечатление: изображение было помещено в темную раму, которая показалась мнительному Лескову почти траурной. Чтобы развеять мрачные мысли и предчувствия, он морозным днем отправился на прогулку в Таврический сад — любимую свою «Тавриду», с упоением вдыхал полной грудью свежий воздух и простудил легкие. «Непростительная неосторожность», — как сказал впоследствии доктор.

21 февраля (5 марта) 1895 года в 1 час 20 минут сын Андрей нашел Лескова бездыханным. Писатель скончался так, как ему и желалось, во сне: без страданий, «без слез, без визгов».

В чине православного отпевания есть слова о безобразии смерти: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробе лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразною, бесславною, не имущую вида». Лицо же Лескова, по воспоминаниям современников, приняло самое лучшее выражение, какое у него было при жизни: выражение вдумчивого покоя и примирения. Он «отрешился от тела скоро и просто»... Сбылось моление о «мирной и непостыдной кончине живота нашего»...

В «Посмертной просьбе» Лесков просил похоронить его «самым скромным и дешевым порядком», «по самому низшему, последнему разряду»; не устраивать церемоний и не произносить никаких речей; не ставить на могиле «никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста. Если крест этот обветшает и найдется человек, который захочет заменить его новым, пусть он это сделает и примет мою признательность за память. Если же такого доброхота не будет, значит, и прошло время помнить о моей могиле».

Ранее — в одном своем «критическом этюде» — Лесков замечал, что как-то *«не по-русски»* придавливать могилу «каменным памятником»: «скромному и истинно святому чувству нашего народа глубоко противно кичливое стремление к надмогильной монументальности с дутыми эпитафиями, всегда более или менее неудачными и неприятными для христианского чувства. <...> Наш же русский памятник, если то кому угодно знать, — это *дубовый крест с голубцом* — и более ничего. Крест ставится на могиле в знак того, что здесь погребен христианин <...> русских простолюдинов камнями не прессуют, а "означают", — заметьте, не украшают, а только "означают" крестом».

В заключительном пункте своего завещания Лесков писал: *«прошу затем прощения у всех, кого я оскорбил, огорчил или кому был неприятен, и сам от всей души прощаю всем все, что ими сделано мне неприятного, по недостатку любви или по убеждению, что оказанием вреда мне была приносима служба Богу, в Коего и я верю и Которому я старался служить в духе и истине, побораая в себе страх перед людьми и укрепляя себя любовью по слову Господа моего Иисуса Христа»*.

На письменном столе Николая Семёновича остался Новый Завет, раскрытый на словах послания апостола Павла: *«Знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный...»*

РЫЦАРЬ ЗВУКА: К 90-ЛЕТИЮ ВИКТОРА СОСНОРЫ

Рыцарь звука — Виктора Соснора — рыцарь глагола вообще: стихи его отсвечивают тонким аристократизмом, погружаясь ли в слои истории, оперируя ли, оперенные оригинальными рифмами, современностью.

...год из четырех единиц, дающий название стихотворению, вибрирует древним миром:

Между реками, яругами, лесами,
переполненными лисами, лосями,
сани,
сани,
сани,
сани,
сани,
сани...
Наступают неустанно россияне.

Под порошей пни, коренья
нетелесны,
рассекают завихренья
нити лезвий.
На дружинниках меха —
баранья роба.
На санях щиты поставлены
на ребра.

Движения много в поэзии Соснора, в том числе движения вглубь, где сани рванутся, где щиты, поставленные на ребра, ощущаются физически.

Пейзаж, творимый поэтом, кинематографичен и необычаен одновременно:

А нынче дожди.
Для ремонта
растений даны
и даримы.

Цыплята —
сырые лимоны
играют на лоне долины.

Живые капли бытия — цыплята эти, столь колоритно вмещенные в тугую игру лиловых «л» и раскатисто-резких «р».

Снег, увиденный пестротой, ослепляет художественностью истолкования: природное становится словесным, застывая каплями вечности:

Снег, как павлин в саду — цветной, с хвостом,
с фонтанчиком и женскими глазами.
Рябиною синееет красный холм
Михайловский, — то замок с крышей гильзы!
Деревья-девушки по две в окнах,
душистых лип сосульки слез — годами.

На всех ветвях сидят, как на веках,
толстая, голубицы с голубями.

Красивая музыка Сосноры современна... всем временам.

Сколь многоцветен порой его стих: и многоцветность, превосходящая действительность, будто не нуждается в ней, хотя зависима от нее.

Соснора, как алхимик, из одних веществ добывает другие, кадры его стихотворения распускаются необыкновенными фильмами, и цветение цветное исполнено тайны:

Завидуешь, соратник, моему
придуманному дому? Да, велик
он, храм химерный моему уму,
хранилище иллюзий — или книг.

Взойди в мой дом, и ты увидишь, как
посмешище — любой людской уют,
там птицы (поднебесная тоска!)
слова полузабытые поют.

Полузабытые слова... снова возвращение к истории, творящейся ежемоментно, и каждый живет в ней, но только поэту дано раскрывать коды...

Соснора и раскрывал самые неожиданные коды языка, добывая рифмы там, где их, казалось, и быть не может, выстраивая величественные здания, дворцы, прочнее которых нет на свете, разбивая сад, способный цвести без угасания.

Александр БАЛТИН

Поэт, пародист. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах, издаваемых в США, России, Израиле и Европе. Постоянный автор «Литературной газеты». Автор пяти поэтических сборников, издатель и редактор-составитель множества поэтических альманахов и приложений, а также поэтической серии «Лета-А». Автор текстов песен для семи музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения Союза писателей, член Союза писателей Израиля и Москвы, директор Международного Союза Писателей и Журналистов (АПИИ). Член Союза писателей XXI века.

ЛЕРМОНТОННОЕ

*«Выхожу одна я из подъезда,
прохожу по тихому двору ...»
Кристина Кармалита*

Выхожу одна я...
Грустно в мире...
Думаю — пойду куда-нибудь.
Вышла из подъезда — словно Мцыри,
кто-то вдруг мне бросился на грудь.

Закричала и помчалась спешно,
ждал меня бы горестный финал,
но там был не Лермонтов, конечно,
тот бы обязательно догнал...

ЗВЕЗДНОЕ

*«Когда строку диктует чувство,
Стихи выходят не всегда.
Живу легко и безыскусно:
Гори, гори, моя звезда».
Максим Жуков*

Когда повсюду музы бродят,
Собою душу беребя,
Но не всегда стихи выходят,
И выхожу я из себя.

Чтоб погрузиться в полночь эту,
Где нету места мне везде...
— Давай вдвоем светить поэту, —
Звезда советует звезде.
— Мы доведем его до дрожи,
Чтоб нервный пот стекал со лба,
И если сам дышать не сможет —
Пусть дышат почва и судьба.

Иосиф Рухович, «Поэты возраста не знают»
М.: «Вест-Консалтинг», 2026

Ярко вспыхивают драгоценные субстанции чувств: и полет времени, промельк его, уносящий всех в неведомость запредельности, фиксируется поэтом через образ «Золотой свадьбы» — легким дыханием, с хорошим напряжением лиризма:

Времена, мимо нас пролетая,
Оставляют следы на часах.
Золотая уже, золотая!
Со сплошным серебром в волосах
И жемчужиной грустной в глазах.

Книга стихов Иосифа Руховича «Поэты возраста не знают», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг» в 2026 году, наполнена разнообразием жизни — густо переливается всеми оттенками плазма ее; и образность поэта многоцветно вспыхивает суммами пережитого:

Ты видишь ли росу на зябких листьях?
В холодных сферах как искрится жар!
Любая капля — совершенный шар,
И не держась не думает свалиться.

Вглядись — земное в ней отражено,
И нежности душевного порыва,
Мне кажется: в ней все заключено,
Она как точка — ждет Большого Взрыва.

Космическое ощущение — соединенности всего в одной точке — передано сердечной интонацией, словно отраженной в небесных зеркалах.

Интеллектуальная интенсивность поэзии Иосифа Руховича подчеркивается рассуждениями, зафиксированными поэтическими орнаментами строк:

Поэзия нигде не начинается
И никогда не будет ей конца,
Пока поэты меж людей встречаются
И открывают им на мир глаза.
Картину мира могут видеть все
И уловить, быть может, содержание,
Но красота ни в пиксель, ни в офсет
Не сложится без чувств и без сознания.

Поэзия и красота исследуются — в апоэтические времена, вроде бы спокойно обходящиеся без оных; но мера красоты необходима миру, дабы не захлебнулся сплошным безобразием.

В общем, стихи Руховича — стихи счастливого человека, принимающего жизнь открыто-стью сердца, и много в ней упоительно-удивительного, вот, например:

Мне часто снится костерок,
Рогатины и перекладина
И бесконечный котелок,
В котором песнь вода наладила.

Мы пьем безумно вкусный чай,
В котором многое намешано —
И дым, и хвоя невзначай,
И что-то от шишиг и лешего.

Легко и естественно составленные слова дают картину, в которую можно войти, ощутить вкус этого чая...

Дидактика и пафос чужды поэту, он — словно бережно берет читателя за руку и вводит в свой мир — пространный и высокий...

Думается, найдется немало благодарных читателей.

Александр БАЛТИН

**Ольга Симоненко-Большагина, «Акк. Фьюжн» Стихотворения
М.: «Вест-Консалтинг», 2026**

Буду кратка: интересная книга. Поэт начинает играть смыслами еще с заглавия: «Фьюжн» созвучно и с «южным», и с легким «фьюить!» — звукоподражанием птичьему свисту. Между тем это слово в переводе с английского означает «слияние, сочетание», и название книги вполне оправдывает ее содержание. Фьюжн в этой книге выступает не только как стиль, но и как осознанная установка автора. В отличие от эклектики, где элементы сохраняют свою относительную самостоятельность, фьюжн подразумевает их гармоничное объединение, благодаря которому различия между источниками исчезают ради достижения нового результата.

Сокращение «Акк.» такое же многослойное: тут тебе и аккомпанемент (смыслы оттеняют друг друга), и аккаунт (авторская индивидуальность налицо!), и вообще — читать книгу нужно аккуратнее — чтобы не потерять, не расплескать по дороге эти полнозвучные строки...

Ольга Симоненко-Большагина обогащает семантику текста за счет включения неевропейского образа мышления, приспособленного под русского читателя. Она вводит в текст холодное латинское слово, добавляет чисто русский невеселый выдох и мирит высокие пространственно-временные категории со вполне обыденной картиной смены времен года:

Октагоном високосных лет
Колесит земная ерунда.
Вот и снова охристый свой плед
Под ноги нам постелила. Н-да...

На первый взгляд рифма «ерунда» — «н-да» (существительное — междометие) выглядит «притянутой за уши», однако общее впечатление от стихотворения от этого только выигрывает: пауза, подчеркнутая многоточием, выражает задумчивость и озадаченность. Стихотворение «зависает» в невеселых размышлениях, и к горлу подкатывает комок: снова осень... Опадают листья, угасает свет... Невольно приходит на ум второе, жестокое значение слова «октагон» — «клетка» для поединков, из лексикона бойцов смешанных единоборств: каждый день мы вступаем в битву со временем. По построению строки понятно, что ничего кровавого автор не имеет в виду — перед нами всего лишь латинское обозначение правильного восьмиугольника, но это слово подспудно заставляет читателя собраться, уйти в себя и приготовиться к бою. С осенней меланхолией, обнажающей архетипический символ утраты, и предчувствием долгой зимы:

А потом и браных ткачеств ткач
Зарябинит снежный окоем.
Чистотою ослепит, хоть плачь...
Вот и плачет каждый о своем.

Последняя строка первой части стихотворения отличается от остальных, сокращаясь до трех стоп ямба. Это создает легкую асимметрию, акцентируя смысловой поворот: что будет дальше? Выдержав паузу, поэт собирается с силами и доводит стихотворение до конца. Слепящая белизна снега вызывает в лирической героине Симоненко-Большагиной чувства грусти и одиночества. Безупречность зимнего пейзажа резко кон-

трастирует с внутренними переживаниями женщины, побуждая ее размышлять о собственном несовершенстве. Финальная строка подводит итог сказанному: у каждого своя боль, и в своем индивидуальном страдании человек остается один на один с миром. Но сквозь этот мрак проникает луч надежды на обновление и очищение. Зима не вечна. Несмотря на трудности, жизнь продолжается. Еще можно многое изменить. А белый снег удивительно красив...

Мотив чистоты красной нитью проходит по всей структуре книги. Та же осень предстает мрачноватой в сравнении с более светлой зимой, а сама по себе — гармонична, нужно только увидеть, что никакой фрагмент осенней картины не желает символизировать собой процесс разрушения:

Каким персидским огурцом
Листок закручен тополиный!
Чтоб не ударить в грязь лицом,
Скользнул податливее глины,
Припал к пожухлым прядям трав,
Испил росы рассветной влагу,
И эту битву проиграв,
Багрянцем подписался: «Благо».

Стихотворение обладает глубокими символическими образами и тонкой поэтической структурой. Строя основной ритмический рисунок на ассонансах и ассоциациях, поэт усиливает эмоциональное восприятие текста: «с» («персидским», «листок») — создает ощущение сквозняка, «з» («закручен», «грязь») раздражает слух, а многократный повтор мягкого «и» в глаголах («испил», «припал») смягчает этот звон, примиряя нас с действительностью: осень — пора листопада, время прощаться и прощать... Подпись «благо» — подтверждение неизбежного конца, признание красоты осеннего увядания и благодарности судьбе за этот опыт: сколько листочку ни кружиться, судьба его предрешена. Экзотический образ «персидского огурца» (а вплетение заморских образов в русский пейзаж — это и есть стиль фьюжн) в начале стихотворения контрастирует с исконно русским финальным словом, и это мощный посыл — свое-то всегда ближе, родное, святое.

Хороша заграница, да не про нас...

Иногда авторская речь течет «сплошняком», без разбивки на четверостишия. Такое построение текста обеспечивает композиции гибкость, позволяя легко изменять акценты и ритм в пределах каждой строки. Каждая фраза отделена друг от друга с помощью пунктуации, что создает эффект внутреннего диалога между частями произведения:

А суть вещей — пустяк,
Безделица фантазий
И философский флер,
Обман и цу-е-фа.
Растет себе будяк —
Ингредиент оказий
И подзаборный сор,
И гения строфа.

Центральный образ стихотворения — сорное растение (некоторые его виды в народе называют осотом). Внешне незаметный и простой, этот сорняк скрывает в себе потенциал для творческого осмысления реальности. Эта метафора отсылает нас к древней восточной традиции, которая утверждает, что красота и мудрость скрываются в незаметных аспектах повседневной жизни. И снова мы видим, как в одном тексте уживаются легкое слово «флер» и детское, почти жаргонное «цу-е-фа». Мы вспоминаем ахматовское: «Когда б вы знали, из какого сора...» — и считываем намек на скрытые возможности и смыслы, заложенные в самой природе повседневности. Именно эта простота служит основой творческих озарений и вдохновения, превращаясь в творческую материю («ингредиент okazji») и материализуется в произведениях искусства («гения строфа»). Поэзия превосходит простые человеческие представления о красоте и может превратить что угодно в драгоценные созвучия...

Приведенные выше стихотворения ясно показывают, что фьюжн является одновременно и разновидностью полистилистического подхода, и уникальной самостоятельной техникой, обладающей собственными характерными чертами и возможностями. Книга Ольги Симоненко-Большагиной наполнена глубоким философским смыслом. Заключение в простых природных образах, он соединяет природу и человеческое существование в единую картину мира, в которой инокультурные элементы чувствуют себя как дома. Искусно сочетая элементы различных направлений, поэт демонстрирует баланс, природную органичность и чувство меры. Это побуждает читателей более тщательно разбираться в своей жизни и окружающем мире, раскрывая важность наблюдения и чуткости к деталям повседневности.

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 100 экз.

Сдано в набор 03.04.2026
Подписано в печать 15.04.2026